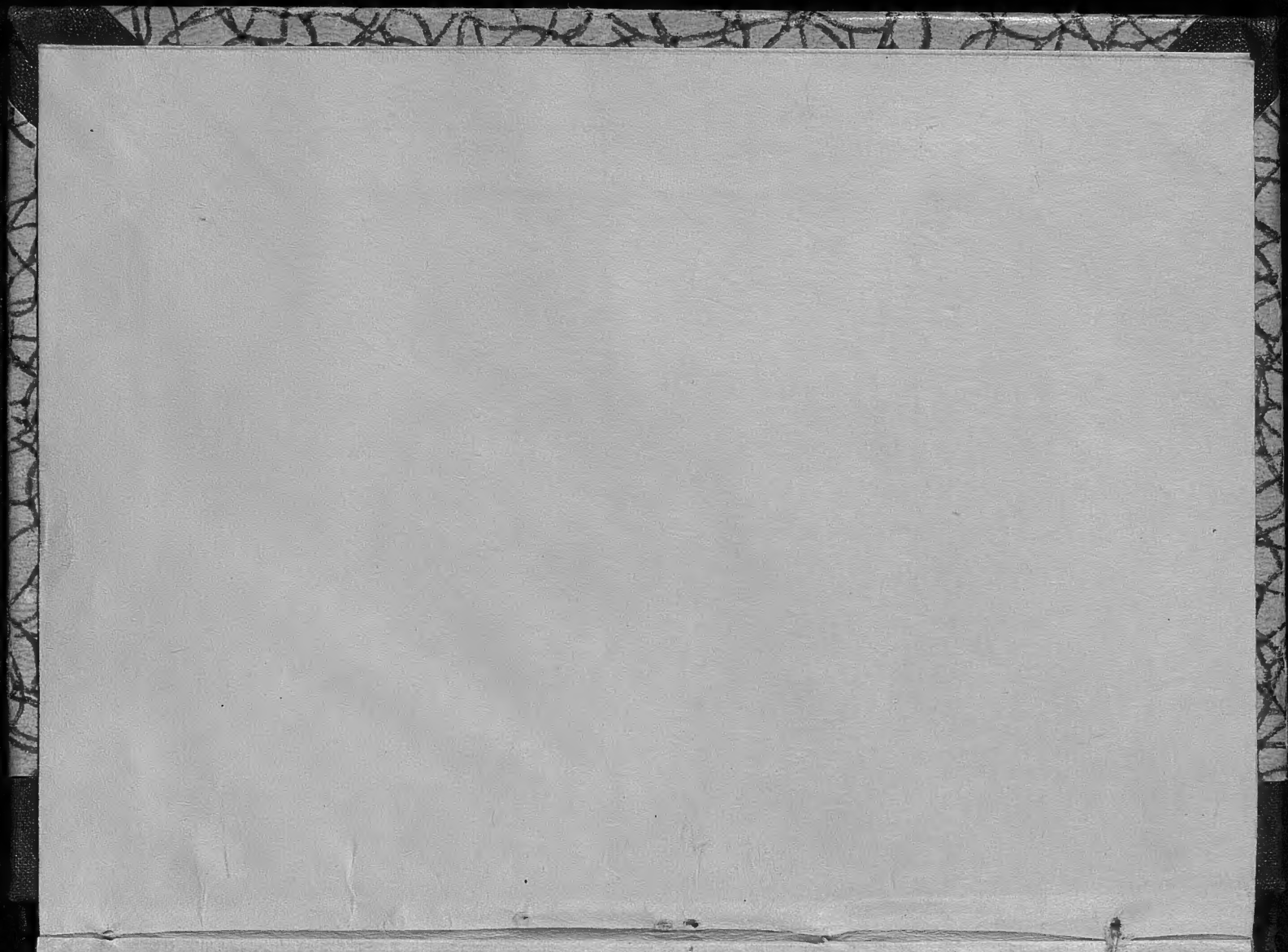
10 123



М. ТИХОМИРОВ

10 123

Первый печатник

Посредник 1934

10/123

М. Н. ТИХОМИРОВ

ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНИК

РУССКИЙ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ИН-Т
РАНИОН
Москва, Тверской бул. 25.

116/2

МОСКВА
«ПОСРЕДНИК»
1934

Обложка и оформление С. И. Соколова.
Заставка, концовка и рукописные буквы из
книг и рукописей XVI века.

Гос. дарств. [illegible]
историческая
библиотека РСФСР
1300862

Редактор М. В. Муратов. Сдано в производство 16-VII-1934 г. Подписано к печати 7-X-1934 г. 5½ печ. л. Бумага 62×88¹/₁₆. печ. зн. в листе 32 000
Главлит № 80 438. З. Т. 887. Тир. 8 000

Отп. в 7-й тип. Мособлполиграфа, Москва, Филипповский пер., 13.

ПЕРЕПИСЧИК КНИГ

В 1553 году на одной из московских улиц стоял двор книжного переписчика Ивана Федорова. На дворе была изба, а за ней маленький огород с грядами капусты и огурцов. В летнее время огород заменял собою сад. На грядке росли цветистые маки и золотые подсолнухи. По средине стоял развесистый вяз. Под ним любили играть дети.

Изба книжного переписчика была неказиста. Маленькие окошечки слепо глядели на улицу. В зимнее время оконницы были затянуты бычачьими пузырями. На слюду денег нехватало, а о стекле нечего было и думать. Стекла украшали только царский дворец и богатые боярские хоромы.

Летом окна отворялись настежь, и тогда видно было внутреннее убранство избы. По стенам избы тянулись длинные лавки. В переднем углу над столом висели образа, украшенные шитыми полотенцами. Рядом с иконами была устроена полка. На ней стояли книги, толстые и тяжелые. У открытого окна можно было увидеть самого хозяина избы.

Переписчик сидел на скамейке и держал на коленях тетрадку. В левой руке у него была чернильница, а в правой гусиное перо. Рядом с ним на столике лежала открытая книга.

Иван Федоров поминутно глядел на книгу и выводил в тетрадке букву за буквой. Порой он поднимал голову, ставил чернильницу на пол, а сам расправлял плечи. Тяжело было сидеть, целыми часами, сгорбившись над книгой. Да еще в теплый летний день, когда светило солнце и зеленела на улицах трава.

Иногда переписчик поднимался со своей скамейки и начинал разбирать бумагу. Бумага продавалась большими листами. Переписчик должен был сам делать из нее тетрадки. Иван Федоров складывал большие листы бумаги пополам. Потом он сшивал их вместе. Получалась длинная и широкая тетрадка. Иной заказчик хотел иметь книгу поменьше и подешевле. Тогда нужно было свертывать листы вчетверо. Получалась тетрадка, величиной с обыкновенную ученическую.

Такая работа казалась почти развлечением. Но пора было опять садиться за письмо. Об этом напоминал далекий колокол, отбивавший часы на кремлевской башне. Минуты бежали быстро, а письмо шло медленно.

Иной раз за весь день Иван Федоров успевал написать всего 3 - 4 страницы. Каждая буква писалась тщательно, не столько писалась, сколько вырисовывалась. Над иной книгой переписчик трудился по несколько месяцев. Он писал одну тетрадку за другой, пока книга не подходила к концу.

Кропотлив и тяжел был труд книжного переписчика. На книгах нередко встречались записи писцов. Они писали о своей радости окончить книгу и хоть на время освободиться от тягостной работы.

В этот день Иван Федоров кончал переписывать большую рукопись. На последней ее странице было написано:

«Возрадуется пловец, когда достигнет берега, возрадуется заяц, убежав от стаи гончих псов, возрадовался и я, окончив книгу».

— А ныне радуюсь и я, переписав сию книгу,— сказал самому себе Иван Федоров и поставил последнюю точку.

Переписчик подошел к окну. Перед ним была грязная и кривая московская улица. А по середине улицы застряла в грязи закрытая повозка или колымага. Из повозки высунулась женская голова, но тотчас же скрылась обратно. Боярыне не полагалось глядеть с открытым лицом на улицу.

Кругом колымаги возились боярские холопы. Они понукали лошадей и подталкивали повозку. Из окон и калиток смотрели любопытные. Наконец, повозка тронулась и благополучно выехала из лужи.

— С прошлого года не мостили улицы, подумал Иван Федоров, глядя на мостовую из мелких бревен.

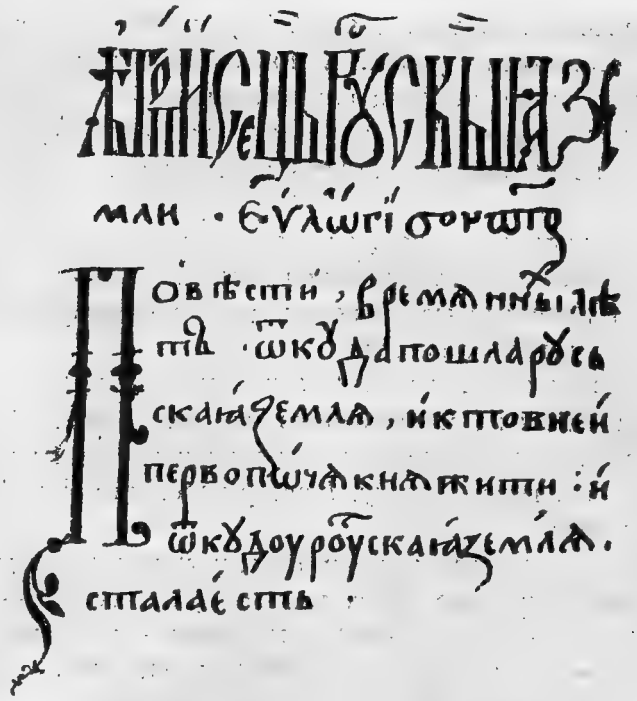
Уже начинало смеркаться. Переписанную книгу надо было отнести к переплетчику. Мастер-переплетчик жил на соседней улице.

В избе у мастера рядами стояли переплетенные книги. Были здесь большие тома, как говорили тогда — в лист, поменьше—в четверку, совсем маленькие—в восьмушку. У всех книг—переплеты из деревянных дощечек, обтянутых кожей. Иную книгу и поднять было трудно.

В крышки переплетов для прочности вбиты медные бляхи и гвозди. Когда положишь книгу на стол, она будет лежать на бляхах и кожа не станет тереться о поверхность стола. У некоторых блях была странная форма, похожая на какую-то букашку или жука. Такие бляхи и назывались жуками.

Иван Федоров давно был знаком с мастером. Книжные переписчики и переплетчики — братья по ремеслу.

Пока переплетчик считал тетради и в уме прикидывал стоимость переплета, переписчик смотрел книги. Он взял толстую рукопись и открыл застежки. Книга с шумом развернулась. Первая страница ее была украшена красивой заставкой из хитро сплетенных линий и узоров, нарисованных золотом и красками. Ниже заставки видна была причудливая «вязь»—сложный узор из букв. Такой вязью писалось заглавие. От заставки и вязи первая страница книги казалась пестрой и красивой.



Первая страница рукописной книги XVI века.

Привычными глазами Иван Федоров пробегал страницы рукописи и невольно думал: «Сколько времени писал переписчик, а как быстро читается». Тем временем переплетчик уже кончил подсчеты. Переплет он сделает, а о расходах сговорятся после.

Последние отблески зари видны были за московскими заборами. Пора итти домой. Скоро сторожа начнут запирать решетки. Такие решетки отделяли тогда одну улицу от другой, чтобы меньше было грабежей и разбоев.

Но дом был близко. Переписчик успел дойти раньше, чем заперли решетки.

МОСКВА

КОЛОКОЛА только что отзвонили на высокой Ивановской звоннице. Пономарь устало сел на скамейку и глянул вниз. Перед ним, как на ладони, лежала Москва.

Прихотливо извиваясь, текла среди песчаных берегов Москва-река. По деревянному мосту непрерывно шли люди и ехали повозки.

На высоком бугре над рекой Москвой поднимались кирпичные стены Кремля. С Ивановской звонницы виден был весь Кремль, застроенный деревянными домами. Сурово глядели остроконечные Кремлевские башни. К ним примыкали невысокие каменные стены Китай-города.

А дальше, за стенами Кремля и Китай-города, было целое море деревянных кровель, вышек и церковных глав. Там лежал остальной город или посад, окруженный деревянной стеной и рвом. Он так и звался деревянным городом.

Рядом со звонницей поднимались каменные здания соборов. Они блестели золотыми куполами на солнце. Между соборами и царским дворцом лежала небольшая площадка. Во дворец вело крыльцо и лестница, деревянные переходы соединяли отдельные здания дворца. Царь жил в деревянных палатах. По старым московским представлениям жизнь в деревянных постройках была приятней и полезней для здоровья.

Деревянные стены дворца были украшены тонкой резьбой. Над ними потрудилось немало самых опытных столяров и плотников. Красивей всего была дворцовая кровля, крытая светлым железом, украшенная бляхами и расписанная кое-где красками.

Глядя вниз через пролет звонницы, пономарь видел знакомую картину.

На площади под самой звонницей сидели «площадные» подъячие. Подъячими звали тогда писцов. Вокруг них тол-

пились просители. Они нанимали подъячих писать разные бумаги. Сами просители были людьми неграмотными, и им за деньги писали площадные подъячие.

«Царю, государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии»,— начинал писать подъячий прошение, называвшееся тогда челобитной. Проситель стоял тут же и терпеливо смотрел, как подъячий выводил мудреные буквы.

Шум и гам наполняли Ивановскую площадь. Порой среди нестройного гула голосов проносился дикий крик. Тогда пономарь переходил к другому пролету звонницы и смотрел на противоположную сторону площади.

Здесь в тяжелых оковах, были привязаны к столбам люди. Рядом с каждым из скованных лежала увесистая дубинка. К столбу подходил человек и брал дубинку в руки. Вслед за этим слышался дикий крик, доносившийся даже до звонницы.

Пономарь знал, что это бьют «на правеже» неисправных должников, бьют по ногам каждый день по часу. И будут бить до тех пор, пока должник не отдаст денег или ему окончательно не разобьют ноги. Одного такого должника выводили на правеж уж четвертую неделю и били нещадно. И он кричал истошным голосом:

— Смилуйся, государь Володимер Алексеевич!

Кричал и обливался слезами, умолял о пощаде, а Володимер Алексеевич требовал свой долг, стоял рядом и приказывал бить покрепче.

Но вот ударил маленький колокол у собора. Это был знак к большому трезвону. Пономарь схватился за веревку. Ударили во все колокола, а вслед за тем, на площади стали развязывать должников, поставленных на правеж. На сегодня правеж кончился. Должников отведут в тюрьму, а завтра новый правеж, новые побои и насмешки.

Из церквей повалил народ. Из собора Николы Гостунского вышел Иван Федоров. Он был озабочен. Надо было итти на рынок купить красок и золота. Иван Федоров получил заказ написать большую книгу, украсив ее заставками и заглавными буквами в красках.

Торговые ряды начинались тут же за Кремлем. Переписчик миновал Кремль и через Никольские ворота вышел на Красную площадь.

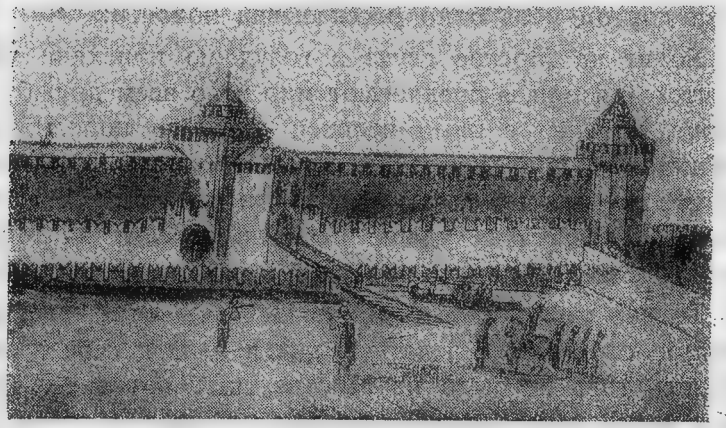
Со стороны площади Кремль казался особенно неприступным. Глубокий ров с водою окружал Кремль, а над рвом поднимались три каменные стены, одна выше другой.

За Красной площадью тотчас же начинались торговые ряды. Каменные и деревянные лавки тянулись в полном беспорядке.

Каких здесь только не было рядов... В Калачном ряду торговали черным хлебом и калачами. В мясном — висели туши быков и баранов и слышались удары ножей и топоров. А дальше шли ряды: шапочный, рукавичный, кожевенный, кафтанный, овчинный и много-много других.

На площади у рядов стояли извозчики с телегами, запряженными в одну лошадь. К ним подходили люди и нанимали их в разные концы города. Извозчик сажал седока и телега точно срывалась с места, грозя раздавить прохожих. А извозчик махал кнутом и во все горло кричал: — «берегись, берегись!» И звуки — «гись, гись, пись, пись»,— так и звенели в воздухе.

Иван Федоров осторожно перешел площадь и вошел в



Московский Кремль в XVI веке.

бронный ряд. Здесь торговали крепкими бронями — кольчугами и панцырями.

В бронном ряду толпились служилые люди, приехавшие в Москву из деревень. Каждый год по царскому указу в Москву приезжали помещики на государеву службу. Они должны были являться на военный смотр — «конны, людны и оружны» — на конях, со своими людьми и в полном вооружении. В бронном ряду была великая сутолка.

Одни покупатели осматривали и примеряли кольчуги — железные рубашки, сделанные из мелких плотно сплетенных колец. Другие пробовали крепость луков, натягивая тетиву. Огнестрельное оружие в Московском государстве в это время было еще редкостью, его заменяли лук и стрелы.

За оружейным рядом следовал иконный, где были навалены кучей образа. За ним начинался красильный ряд. Здесь торговали чернилами и красками.

В этом ряду Иван Федоров был своим человеком. Он долго выбирал разные краски. Для заставок и заглавных букв нужна красная краска—киноварь, да голубая, да зеленая, да желтая. Нужно еще золото, чтобы позолотить заставку.

Торговый человек показывал Ивану Федорову одну краску за другой и за одно рассказывал новости:

— Ходит на Москве слух: к государю приехали послы из Датской земли, а предлагают мир и во всем дружбу. Да, говорят, приехал с ними человек датского короля, звать его Ганцом, а привез с собой печатные книги. Тот человек всякую хитрость знает и умеет книги печатать. А датский король предлагает государю печатню завести на Москве.

Тут торговый человек нагнулся и добавил:

— Только молва идет в народе. Царь де велел того немца обратно отослать, а печатные книги взял к себе в казну. Отродясь того не было на Москве, да и впредь не будет, чтобы книги печатали, а не писали от руки.

Наконец, краски были отобраны. Купец запросил за них

Богатый московский купец в XVI веке.

очень дорого. Иван Федоров давал вдвое меньше. Такой уже был обычай на Москве — запрашивать в два, в три раза дороже действительной стоимости вещи. Наконец, переписчик и торговый человек поладили и ударили по рукам.

Иван Федоров взял краски и пошел вниз по улице Ильинке в деревянный город.

— А почему бы не печатать книги в Москве,— думал Иван Федоров.— Печатают же книги в Венеции и у немцев.

Венецианские книги переписчик видел сам у знакомого подъячего, ездившего вместе с посольством в Венецию. Немцами звали в Московском государстве безразлично многие народы, жившие в Западной Европе.

От руки одну книгу надо писать несколько месяцев, а в Венеции и у немцев за то же время зараз печатают сотни книг.

Эта дума крепко засела в его голове.

Иван Федоров давно думал о печатных книгах:

ПЕТР МСТИСЛАВЕЦ

КНИГОПЕЧАТАНИЕ в это время не было новинкой в Западной Европе. Прошло уже более 100 лет после того, как была напечатана первая книга в мире.

Книгопечатание зародилось в Германии, в городе Майнце. Изобретателем книгопечатания был уроженец Майнца, Иоганн Гутенберг. Он впервые стал печатать книги подвижными, отдельными буквами, отлитыми из металла.

До того времени умели печатать только деревянными досками с вырезанными на них словами и рисунком. Вырезывать доски было так трудно, что нечего было и думать об издании больших книг. Подвижными же буквами можно было напечатать любую книгу, как бы она ни была велика.

Первая книга, напечатанная Гутенбергом, появилась в 1445 году. Гутенберг напечатал еще несколько книг. Искусство книгопечатания широко распространилось по всей Германии. Вскоре появились типографии в Италии, Франции, Англии и других странах.

Книги начали печататься уже на многих языках и во многих странах.

Печатные книги на славянском языке издавались в Венеции. Такие печатные издания во всем напоминали рукописи, только буквы да строчки были ровнее и чище. К тому же в них было меньше ошибок, чем в рукописях.

Венеция находилась в Италии. К венецианским владениям примыкали многочисленные славянские земли на Балканском полуострове—Сербия, Черногория, Болгария. Все эти земли были завоеваны турками. Но потребность в книгах на славянском языке никогда не исчезала в этих странах. Нашлись предприимчивые люди и стали печатать славянские книги в Венеции. Печатные венецианские издания расходились по Балканским странам. Приезжие люди из Сербии и Болгарии привозили их с собой в далекую Москву.

Слова торгового человека о печатных книгах крепко засели в голове Ивана Федорова. Он решил разузнать о приезжем датчанине у знакомого подъячего.

Знакомый Ивана Федорова жил в самом Кремле, на Подоле. Так называлась часть Кремля, расположенная под горой у реки Москвы. Весь склон горы и весь Подол до самой кремлевской стены был застроен домами. Стояло здесь и несколько боярских хором. Такие хоромы легко было узнать по высокой вышке, «повалуше», поднимавшейся над домом.

У подъячего была хорошая изба, огороженная тыном из остроконечных бревен. Он встретил Ивана Федорова приветливо.

Хозяин был одет по домашнему. На нем были легкие холщевые штаны и такая же длинная рубаха, перетянутая пояском. Он посадил Ивана Федорова за стол и велел принести медового квасу.

Подъячий был словоохотливым человеком и все хотел рассказать, как готовят этот квас. Возьмут меду, да процедят через чистое сито, да заквасят хлебом без дрожжей, а как скиснет, сольют мед в бочки.

Но переписчик книг повернул разговор на другую тему.

— Слышал я, приезжал в Москву датчанин с посольством,— сказал Иван Федоров.

Подъячий принял важный вид. Служил подъячий в Посольском приказе, где принимали послов из разных стран. Он очень гордился своей службой. В Московском государстве Посольский Приказ заменял собой министерство иностранных дел.

Подъячий был невеликой сошкой в приказе. Он переписывал бумаги да исполнял маловажные поручения, которые ему давали его начальники — дьяки. Дьяки ведали делами в приказе.

— Приезжал ли датчанин? — ответил подъячий. — Приезжал, да только царь и митрополит отослали его обратно за море. А звали того немца Гансом Миссенгеймом. Сказывали, тот немчин книги умел печатать и переплетать.

— Да и зачем было держать того немца на Москве,— продолжал подьячий.— Вот на денежном дворе сидит мастер, а зовут его Мстиславцем. Не немец, а печатать книги умеет.

— А откуда тот Мстиславец родом? — спросил Иван Федоров.

— Родом он из Литвы, а человек русский и грамоту знает гораздо.

Подьячий обещал Ивану Федорову сводить его на денежный двор и познакомить с Мстиславцем. На денежном дворе у подьячего были давние друзья, такие же писцы, как и он. Они считали деньги и записывали их в книги.

На следующий день рано утром переписчик книг и подьячий пошли на денежный двор.

В просторной избе, стоявшей на краю двора, сидели подмастерья и мастера. Подмастерья держали в руках образцы монет, сделанных из твердой стали. Наложив образец на медную пластинку, они с силой били по нему молоточком. Под ударами молоточка стальная монета выдавливала в мягкой меди формочку.

В соседней избе в готовые формочки лили расплавленное серебро. Металл заливал всю формочку и постепенно застывал. Из формы вынимали уже готовую монету.

Из 200 грамм серебра выходило 300 копеек или 3 рубля.

Была и более мелкая монета — деньга. Каждая копейка

Посольское подворье, где жили иностранные послы в XVI веке.

равнялась 2 деньгам. Деньги и копейки выходили неровными и некрасивыми. За отделкой монет на денежном дворе не гнались.

В особой избе считали и проверяли готовые монеты. Здесь на столах были навалены серебряные копейки и деньги. Стража охраняла вход в избу и на самый денежный двор.

Серебряные деньги стоили тогда очень дорого. На московском рынке за 2 копейки можно было купить фунт масла, пара курищ стоила 6 копеек. В летнее время 20 кружек земляники продавались за 1 копейку.

Но зато трудно было заработать эту копейку. Сколько времени надо было потратить, чтобы собрать 20 кружек земляники. Дешевы были товары, да очень дороги деньги. Жалованье иного подьячего равнялось всего 1 рублю в год. Да и такое жалованье казалось большим и давалось не всем.

Копейка в XVI веке.

В особой избе мастера резали из крепкой стали образцы для формы. Один мастер уже вырезал на монете всадника с копьем в руке и первые две буквы—«к» и «о». А дальше надо было вырезать все слово—копейка. Так от всадника с копьем на вечные времена получила свое название сама монета — копейка.

Один из мастеров поднял голову и улыбнулся подьячему. Это и был Мстиславец.

Впоследствии Иван Федоров узнал настоящее имя своего нового знакомца. Мстиславец было только прозвище, звали же мастера Петром Тимофеевым.

Петр был родом из литовского города — Мстиславца. Поэтому его прозвали Мстиславцем, также как других звали Ростовцами, Новгородцами, Москвитинами, по тем городам, где они родились.

Мстиславец умел резать по дереву и по металлу. На своей родине, в Литве, он познакомился с книгопечатанием. В Литве и Польше давно уже печатались книги на польском и еврейском языках. Были там и типографии, печатавшие книги на славянском языке, понятном как русским, так и белоруссам и украинцам.

В одной из таких типографий работал в Литве Петр Мстиславец.

От Мстиславца Иван Федоров многое узнал о печатании книг. Переписчик и мастер скоро сделались друзьями.

— Где и печатать книги, как не в богатой Москве?—часто говорили новые друзья. — А сколько печатные книги сберегут труда. Не надо будет переписчикам сгибаться над книгами. Да и в книгах будет меньше ошибок.

Но печатались книги совсем не так, как предполагал Иван Федоров. Он думал, что буквы для целой страницы вырезывают на одной доске.

— Сколько же таких досок надо вырезать для книги,— невольно подсчитывал переписчик.—Печатная книга выйдет, пожалуй, дороже переписанной от руки.

Но для печатания книг никто не вырезал целых досок. Не надо даже было резать каждую букву из дерева или металла. В начале делали только образцы букв из твердой стали. Такие образцы носили итальянское название пунционов. Потом пунцон накладывали на медную дощечку и ударáми молоточка выбивали формочку так же, как это делалось для монет.

Из сплава олова, меди и свинца в формочках отливали литеры. Этим итальянским словом называли отдельные буквы. Из литер можно было составить любое слово и опять их рассыпать. Таким образом каждая буква или литера могла служить по нескольку раз.

Петр Мстиславец имел несколько литер, сделанных из металла. Можно было помазать их краской и прижать к бумаге. Получался четкий отпечаток. Буквы на бумаге выходили ровными и красивыми.

Для печатания книг требовались, кроме литер, особые

Словолитчик в типографии XVI века. С немецкой гравюры.

станки и различные другие принадлежности. Все это можно было изготовить в самой Москве.

Иван Федоров и Мстиславец решили не откладывать дела в долгий ящик, а начать печатание книг за свой страх.

Так в 1553 году в Москве впервые появилась типография, скромно называвшаяся печатной избой.

Трудно было на первых порах печатникам. Для новой типографии требовалось много денег. Приходилось ходить по богатым и знатным людям, выпрашивать и вымаливать ничтожные гроши.

Для типографии нужен был металл для отливки литер. Бумага стоила очень дорого, а ее требовалось много. Необходима была краска для печатания. Кроме того, в типографии нельзя было обойтись руками двух работников. Требовались подручные и подмастерья. Но Иван Федоров и Петр Мстиславец упорно работали над задуманным делом.

Так впервые зародилось книгопечатание в Москве.

...дерств. ...ичная
...ерачес...

ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

ТЕКАЗИСТА была первая печатная изба. Зимой в ней было холодно и неуютно. Дневной свет еле-еле проникал через замерзшее окошко. У самого окошка на свету сидел Иван Федоров. Перед ним стоял небольшой ящик с металлическими буквами. А на ящике была наколота рукописная тетрадка. В левой руке печатник держал длинную пластинку или верстатку. Края у верстатки были загнуты с трех сторон, чтобы не выпадали буквы.

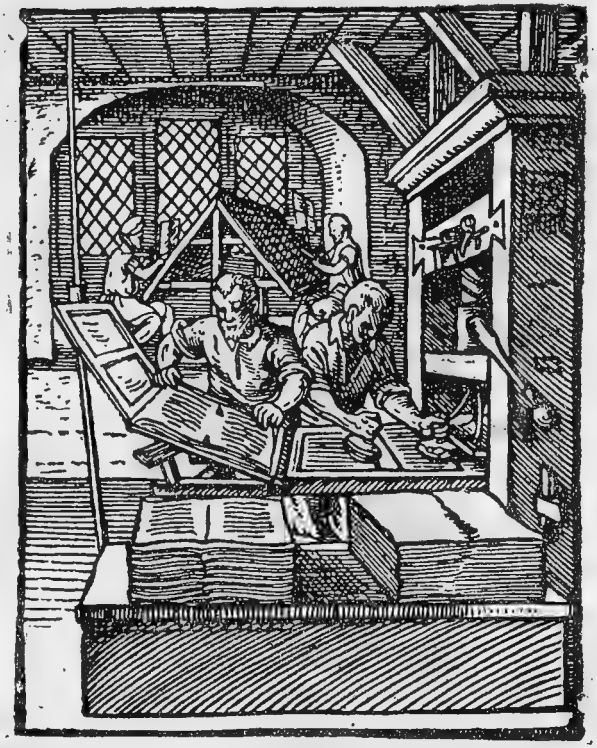
Иван Федоров рылся в ящике и находил нужный литер. Потом он вставлял его в верстатку. Так постепенно набиралась целая строчка.

Надо было много внимания, чтобы не сбиться и не перепутать нужные буквы. Только хорошо грамотный и опытный человек мог быть наборщиком. Иван Федоров и Петр Мстиславец никому не доверяли этой работы и делали ее сами.

Сегодня наборщиком работал Иван Федоров, Мстиславец же был занят другим делом. Он верстал набор, то есть, собирал строчку за строчкой в особую рамку, пока не составится целая страница. Потом Мстиславец брал бруски и обкладывал ими сверстанные страницы, чтобы набор не растерялся.

Между тем в глубине избы уже работал рослый рабочий-батырщик. На его обязанности лежала работа у печатного станка. Печатный станок был укреплен прочными брусьями, протянутыми от пола до потолка. Он должен был действовать очень ровно и ни в коем случае не шататься.

Это был обыкновенный пресс с прикрепленным к нему рычагом. Под прессом стоял стол с выдвижной доской. Батырщик выдвигал доску и ставил на нее рамку с набором. Потом он брал подушечку, укрепленную на палке, и макал ее в краску.



Типография XVI века (с немецкой гравюры). Справа печатный станок. Печатник снимает напечатанные листы и складывает их перед станком. Позади у окна работают наборщики.

Краска была густая. Ее варили из льняного масла и сажи. Стоило только намазать краской набор, как все буквы становились черными и масляными.

Тогда батырщик осторожно накладывал бумагу на рамку набора и вставлял доску с набором и бумагой под пресс. Напрягая мускулы, батырщик брался за рычаг и пресс медленно опускался на набор, крепко прижимая набранные буквы к бумаге. Тут требовалось много физической силы.

Подождав некоторое время, батырщик начинал опять работать рычагом. Пресс поднимался кверху, а на столике оставалась бумага и набор. Батырщик выдвигал стол и снимал лист бумаги, влажный еще от краски и покрытый бле-

стящими и красивыми буквами. Тогда подбегал подручный мальчик и вешал отпечатанный лист на веревочку для просушки. Порой на веревочке было так много листов, что они издали казались бельем, развешанным заботливой хозяйкой.

Печатный станок.

Высохшие листы мальчик относил опять к батырщику и тот печатал на обратной стороне листа. Так изо дня в день текла работа в первой московской типографии.

Но дело не всегда шло гладко. Иной раз батырщик слабо нажимал на пресс и буквы плохо отпечатывались. В другой раз сбивался весь набор. Тогда буквы и строчки шли криво.

Больше всего печатники беспокоились о внешности книги. Печатной книге надлежало выглядеть красиво, не хуже рукописной. На Москве не любили новшеств. Печатная книга должна была быть не хуже рукописной, иначе бы ее не стали покупать. Поэтому Федоров и Мстиславец очень заботились, чтобы напечатанные ими книги во всем походили на рукопись.

Печатные литеры напоминали буквы в книгах, переписанных от руки. Заглавные буквы делались красивыми и узорчатыми, как в рукописях. В рукописях заглавия писали

красной киноварью. И в печатных книгах заглавия делались красной киноварной краской. Тем же цветом печатались большие заглавные буквы.

И выходило так, что первые печатные книги, действительно, во всем походили на рукописные. Они и стоили не дешевле рукописных. Так много труда и денег приходилось тратить на их печатанье. За целый год наши печатники, в лучшем случае, успевали напечатать одну книгу, в нескольких сотнях экземпляров.

Но мало было напечатать книгу. Ее надо было продать. Это дело было не простым и совсем нелегким. Книги продавались в торговых рядах вместе с разными предметами домашнего обихода. Покупатели книг были случайными и довольно редкими гостями.

Книга стоила очень дорого, редко дешевле 1 рубля. А на рынке за рубль можно было купить целого быка или 10 бочек овса. Рубль был целым капиталом. За 10—20 рублей продавались небольшие имения.

Поэтому книги были предметом роскоши, доступным немногим людям. К тому же грамотных людей в Московском государстве было очень мало. Книги, да и то только церковные, покупало духовенство для церквей. Иной поп или дьякон сам еле умел читать.

Даже архиереи жаловались на неграмотных попов. Вот как рассказывает о своих попах один епископ:

— Приведут ко мне мужика, и я ему велю читать апостол, а он и ступить не умеет. Я ему велю псалтырь читать, а он и по тому едва бредет. Я ему откажу от места, а люди начинают мне говорить: «такая уж у нас земля, господин, не можем добыть достаточно грамотного человека, кого бы избрать попом.

Так и ставили полуграмотных попов. Стоял подобный поп в церкви, читал и пел, что знал по памяти или мог разобрать в книге. Все равно прихожане были людьми безграмотными, только бы отстоять в церкви положенное время.

Десять лет, с 1553 по 1563 год, работали печатники

почти не расширяя свое дело. Печатали они только церковные книги, на другие не было спроса. За это время напечатали они 5 или 6 книг, по несколько сотен штук каждой из них. Медленно росло печатное дело.

Но Иван Федоров и Петр Мстиславец не переставали надеяться на лучшее будущее. Они задумали заинтересовать своим делом самого царя Ивана Васильевича. Печатные книги делаются быстрее и со временем они будут стоить на много дешевле рукописных. Неужели же на Москве никто не окажет помощи печатникам.

ВО ДВОРЦЕ

За маленьким столиком в большой палате сидел царь Иван Васильевич. Из окон палаты видна была река Москва и слободы на другой стороне реки. Сквозь цветные стекла в палату проникали солнечные лучи. Они скользили по каменному полу и стенам, расписанным пестрыми красками. Лучи попадали прямо на большую горку, уставленную золотой и серебряной посудой. Причудливые кубки и братины блестели и переливались на солнце.

Царь опирался на небольшой посох с серебряным набалдашником и внимательно слушал дьяка, читавшего бумаги. Царю Ивану Васильевичу исполнилось 33 года. Он был высокого роста, с широкими плечами и могучей грудью. Лицо его казалось почти красивым. Неприятен был только нос, длинный и крючковатый. Под густыми бровями глядели умные, но злые глаза.

Дьяк держал в руках длинный свиток из склеенных узких полосок бумаги. Такие свитки назывались столбцами. Дьяк развертывал столбец и вычитывал из него отдельные места.

— Да пишут, государь, из Полоцка твои государевы воеводы, что король польский под Полоцк собирается с великим войском. И против той их отписки велели, мы холопы

Иван Грозный (Портрет работы иностранного художника).

твои, воеводам отписать, чтоб они жили с береженьем и город вели укреплять, ни мало не мешкая.

Дьяк замолчал. Царь задумался. Уже 5 лет шла тяжелая война с Литвой и Польшей из-за Ливонской земли. Торговые выгоды тянули московского царя в богатую Ливонию, к берегам Балтийского моря. В 1558 году московские войска вторглись и разорили до тла Ливонскую землю. В 1563 году удалось взять большой литовский город Полоцк. Но война только начиналась,—казалось, ей не будет конца. После первых успехов начались неудачи.

— Да пишут еще воеводы из Полоцка, что в Полоцке в людях идет великая шатость и смятение, хотят опять за

польского короля задаваться. И о таких людях, как ты, государь, укажешь? — сказал дьяк.

В Московском государстве была привычка: в обращении к царю очень часто прибавлялось слово государь. Царь к этому так привык, что не обращал на слова дьяка никакого внимания. Он думал о Полоцке.

— А о тех людях,—сказал царь,—есть давний мой указ. Как воеводы наши заметят в ком шатость и измену, и им таких людей хватать. Да не вдруг, не сразу, а затея на них какое дело, чтобы другим, на то глядя, не страшно было. А затеяв на них дело, ссылать их к нам на Москву. А здеся, на Москве...

Царь улыбнулся и взглянул на дьяка. Дьяк понял о чем идет речь. Только бы на Москву заслать, а там человека не сыщут, так и погибнет в московских застенках.

— А что пишут из Казани? — спросил царь.

— В Казани, государь, великое нестроение и в людях шатость немалая. Пишет казанский архиепископ, да и воевода, что де татары ссылаются с крымским ханом, а хотят от тебя, великого государя, отложиться и учинить казанское царство по прежнему.

Вот она новая забота!

На восточной границе Московского государства когда-то существовало самостоятельное Казанское царство. Населяли его татары-мусульмане, с давних лет воевавшие с Москвой. Казань стояла на Волге, а по Волге издавна шел торговый путь на восток. Царь Иван Васильевич собрал громадное войско и приступом взял Казань. В огне погибли все городские строения. Безжалостно истреблялись взрослые и дети.

Но татары, оставшиеся после разгрома, продолжали волноваться. Царь посылал в Казань новые войска, а вместе с ним духовенство. Оно должно было обращать мусульман в православие. Мечети были разрушены, а на их месте построены церкви.

Мечом и кровью насаждалось православие и русское владычество в Казанском царстве.

— Вели отписать архиепископу и воеводе, чтобы они татарских старшин ласкали и во всем им волю давали до времени. А как придет время, и в ту пору им будет указ, тех старшин всех перебрать и посадить в тюрьму,— сказал царь.

Дьяк выслушал царский указ, поклонился и собрал столбцы. Пятясь задом и непрерывно кланяясь, он вышел из комнаты.

— А теперь давай свои книги,— сказал царь, обращаясь к седому боярину, сидевшему неподвижно на лавке у стены.

Боярин поправил полы длинного кафтана и поднялся с лавки. В руках у него было несколько книг в толстых кожаных переплетах.

Он положил их на стол перед царем и стал открывать застежки. Иван Васильевич не любил ждать. Выхватив две или три книги, он быстро их открыл одну за другой и стал внимательно разглядывать. Седой боярин, стоя сбоку, почтительно принимал из царских рук просмотренные книги.

Царь сверял печатную книгу, псалтырь, с такой же рукописной. Между той и другой псалтырью, казалось, не было никакой разницы. Печатная псалтырь, пожалуй, была даже красивей рукописной.

— Дело доброе,— сказал старый боярин. Дело доброе, не только в нашей земле книги предают печатанью, но так делают и в Венеции, у фрягов.

В Московском государстве фрягами называли итальянцев.

— Да и у нас нашлись такие мастера, что книги предают печатанью не хуже, чем в Венеции или Литве,—добавил боярин.

Напоминание о враждебной Литве было неприятно царю. Он встал с кресла и подошел к окну. Вдали на горизонте, за крышами московских слобод, темнел лес. Луга, пашни и леса тесно обступали Москву со всех сторон. Внизу, на Подоле, видна была кремлевская стена. По ней ходили сторожа с длинными топорами на плече.

— А кто те мастера? — отрывисто спросил царь.

— Николы Гостунского дьякон Иван Федоров да мастер Петр Тимофеев Мстиславец,—ответил боярин.—Ходит о них молва, что такому художеству научились они от самих фрягов. Зело хитры и смышлены к такому делу.

Царь задумался.

Разве плохо вместо письменных книг завести печатные? Печатать в Москве, как в Венеции, в Италии, в соседней Литве и в других западных странах?

К тому же Иван Васильевич нуждался в большом количестве церковных книг. Казанский архиепископ требовал для своих церквей книги, и в немалом числе.

— Пожалуй, стоило бы завести свой печатный двор — думал про себя царь

И как бы в ответ на его мысли снова заговорил боярин.

— Да и потому, государь, книги на Москве надлежит печатать, чтобы твое царское имя и в иных государствах было славно.

Эти слова затронули слабую сторону Ивана Васильевича. Всюду и везде царю хотелось быть первым.

Не стыд разве, что в других странах печатают книги, а у него на Москве это дело только начинается. В царской казне были книги на немецком и латинском языках и посвящениями королям и князьям тех стран, где эти книги выходили. Похвалы царскому имени будут печатать и в книгах, изданных в Москве. Тогда даже в далеких странах узнают о царе Иване Васильевиче, как покровителе печатного дела.

Царь обернулся к боярину и велел ему привести к себе во дворец печатников.

В скором времени на Москве началась спешная постройка печатного двора. Царь щедро давал деньги из своей казны. Иван Васильевич хотел иметь свои печатные книги и читать в них похвалы своему имени.

ПЕЧАТНЫЙ ДВОР

НИКОЛЬСКАЯ улица в Москве в 1563 году была одной из самых оживленных. Она вела от Кремля к Владимирским воротам в каменной стене Китай-города. По ней непрерывно шли пешеходы, ехали конные люди и повозки. На Никольской улице стоял Земский двор, где производился суд. Вокруг двора толпами сидели и стояли челобитчики, пришедшие по разным делам, кто с челобитием, а кто и по вызову самих судей.

В конце улицы у Кремлевских стен постоянно толпились любопытные. Здесь в летнее время, под открытым небом, за высокой загородкой стоял слон. Рядом со слоном сидел его вожак, смуглый арап, одетый в восточную одежду. И слон и арап были подарены царю персидским шахом Тахмаспом. Животное и человек одинаково скучали на чужбине и с досадой смотрели на толпу московских зевак.

На другом конце Никольской улицы, у Владимирских ворот, стояло мрачное здание, напоминавшее крепкий замок или тюрьму. Это и на самом деле была тюрьма. В ней сидели пленники, взятые царскими войсками в далекой Ливонии, на берегах Балтийского моря. Днем пленники ходили свободно по городу или безучастно сидели у ворот тюрьмы, а на ночь сторож надевал на них цепи. И тогда кованные ворота тюрьмы с шумом закрывались на засовы.

Недалеко от Никольской улицы, у самой китайгородской стены, стояла маленькая церковка. Звали ее Троица на полях. А рядом с церковью была отведена обширная площадка или «поле».

Здесь устраивались судебные поединки. По старому обычаю, каждый обвиняемый мог требовать судебного поединка. Тот, кто побеждал, считался правым, а побежденный — виноватым. В дни поединков со всей Москвы сюда сходился народ посмотреть побоище.

Богатые люди нанимали за себя бойцов. И вот начинался бой. Наемный и привычный боец легко побеждал бедняка. А толпа говорила, что это — суд божий.

И после этого побежденный должен был платить деньги своему победителю. Так виноватый оказывался правым, а правый виноватым. Поэтому и сложилась на Москве пословица: «с сильным не борись, с богатым не судись».

Совсем близко от Троицы на полях, тоже у Китайгородской стены, стоял Печатный двор, огороженный забором. На дворе было несколько изб, соединенных переходами. В одной избе печатали книги, в другой отливали литеры, третья была переплетной. Теперь Иван Федоров и Мстиславец были не просто мастерами, а «справщиками» государева печатного двора. Старшим назначили Ивана Федорова, а вторым Петра Мстиславца.

Самым трудным делом было изготовление литер или печатного шрифта. Первой книге, выходившей с печатного двора, надлежало быть особенно красивой. Иван Федоров и Петр Мстиславец долго перебирали рукописные книги. Они искали подходящий образец шрифта. Такой образец найден был среди царских книг, переписанных лучшими московскими писцами.

Отливка литер была очень важным делом. Вначале были сделаны образцы букв или пунцоны из твердой стали. Потом, с помощью пунцонов, в мягкой меди были выбиты матрицы—формы для литья литер. Для отливки букв был устроен особый прибор. В него вставлялась матрица. Потом мастер брал ложку и заливал матрицу расплавленной смесью из олова и свинца. Олово и свинец застывали в форме. Букву вынимали из формочки и шлифовали.

Наконец, шрифт был готов и 1 апреля 1563 года началось печатание первой книги московского печатного двора. По царскому приказу, для печатанья была выбрана церковная книга «Апостол».

Для большей красоты, в начале «Апостола» было приловец строго проверяли каждую страницу. Они боялись сделать даже небольшую опечатку. На печатном дворе под их

Дѣяния апостолъ списание святаго апостола Луки евангелиста

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, 3
о Феофиле, о нихже начатъ Іс, тво-
рити же и учити, до негоже дне,
заповѣдавъ апостоломъ Духомъ святымъ,
ихже избра вознесеся. Предними же
и постави себѣ жива по страданіи
своемъ, во мнозѣхъ истинныхъ знаме-
ніихъ, деньми четыредесятьми явля-
яся имъ, и глаголя яже о царствіи Божіи. И с ни-
ми же ядый, повелѣваше имъ от Іеросали-
ма не отлучатися, но ждати обѣтованіе
Отче, еже слышасте от мене. Яко Іоаннъ
убо крестилъ есть водою, вы же имате кре-
ститися Духомъ святымъ, не по мнозѣхъ
сихъ днехъ. Они же убо сошедшеся, вопрашаху

Во стую и великую нд пасхи. И на вознесеніе
сие

Первая страница первопечатного Апостола 1564 года.

начальством работало уже несколько человек. Среди них выделялись помощники Ивана Федорова — Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев, получивший прозвище «Невежа». Они вникали во все дела и готовы были всегда заменить старших мастеров.

Печатание «Апостола» затянулось почти на год. Только через десять с половиной месяцев книга, наконец, была окончена. 1 марта 1564 года «Апостол» вышел в свет. С тех пор он получил прозвище «первопечатного», потому что это была первая московская книга, которая имела «выход» или особый лист в конце. В выходном листе было указано место и время напечатания «Апостола». До этого же печатники выпускали книги без выходных листов. И никто не мог сказать, где и когда была напечатана та или иная книга.

Первопечатный «Апостол» 1564 года выглядел очень красиво. Начало каждой отдельной статьи было украшено узорной заставкой. По черному полю заставки причудливо вились пышные травы и листья. Среди листьев на тонких веточках висели кедровые шишки.

Заставки отпечатывались при помощи досок. На доске вырезался рисунок. Когда книга набиралась, для заставки оставляли чистое место. Доску с вырезанным рисунком смазывали краской и потом делали оттиск на оставленном месте.

Под заставкой шло заглавие, напечатанное красной краской—киноварью. Заглавие казалось одним узором или «вязью» из крупных букв. Такую вязь не всегда было легко прочитать. Остальной шрифт был более мелким и очень разборчивым. Заглавие же служило больше для украшения, чем для чтения, его обычно знали наизусть.

Красивые заглавные буквы или «инициалы» украшали страницу. «Апостол» был отпечатан так тщательно, что в нем не было ни одной опечатки. Недаром Иван Федоров и Петр Мстиславец день и ночь сидели над книгой.

Для большей красоты, в начале «Апостола» было приложено изображение апостола Луки. Заставку и этот рисунок вырезал один из резчиков при царском дворе. Резчик

не знал, каким ему показать Луку, и искал образец. Наконец, он нашел немецкий рисунок, изображавший какого-то рыцаря, сидевшего между двумя узорными колонками. Недолго думая мастер вырезал на доске изображение этих колонн, а на месте рыцаря посадил Луку, срисовав его с иконы.

В послесловии или в выходном листе печатники рассказали историю своего дела. При этом они должны были как можно более прославить царя Ивана.

В послесловии было сказано, что вскоре после взятия Казани царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии повелел на рынках покупать святые книги и класть их в церквах. Из этих книг только немногие оказались годными, остальные же все были испорчены переписчиками, людьми неучеными и неискусными или просто не старательно писавшими. Об этом дошло до сведения царя и он начал думать, как бы сделать печатные книги так же, как у греков, в Венеции, в Италии и у прочих народов.

— В 30-е лето государства своего царь повелел устроить дом на средства своей царской казны, где можно было совершать печатное дело, и нещадно давал от своих царских сокровищ Николы чудотворца Гостунского дьякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатного дела и к их успокоению, пока печатание не было окончено — писали первопечатники.

Таковы уже были московские порядки, что все делалось во имя царской славы. Только очень скромно осмеливались печатники упомянуть о самих себе.

Все-таки печатанье книг в Москве стало на твердую почву. Апостол был напечатан в нескольких сотнях экземпляров и начал расходиться по городам и селам Московского государства.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

ЦАРСКИЕ щедроты оказались недолговечными. У царя Ивана Васильевича нашлись другие дела и не было желанья думать о печатном дворе.

Война с Ливонией продолжалась. Первые успехи сменились неудачами. Воеводы писали из занятых ими ливонских городов просьбы о присылке подкреплений. Мечты Ивана Васильевича о господстве над Ливонией не сбывались. На юге угрожал набегами крымский хан.

Царь подозревал своих бояр и воевод в измене. Из Ливонии только что пришли вести о бегстве одного из царских воевод, князя Андрея Курбского, в соседнюю Литву. Курбский долгое время был близким человеком для царя Ивана Васильевича. Но он поддерживал больших бояр и ему угрожала царская немилость и, может быть, казнь. Весть об этом дошла до Курбского. Он не стал ожидать царской опалы и бежал в Литву. Бегство Курбского еще более раздражило царя Ивана Васильевича. Царь начал беспощадную борьбу против боярства.

Плохо шли дела и внутри Московского государства. Крестьяне были разорены бесконечными поборами своих помещиков. Горожане едва успевали платить денежные сборы на войну. Земля пустела и разорялась.

Богатые бояре владели громадными землями. Они хотели удержать за собой эти владения. Но мелкие помещики с ненавистью смотрели на бояр, отнимавших у них лучшие земли.

В борьбе с боярством царь искал помощи в кругах средних и мелких помещиков. Мелкие дворяне были слабы и бедны и не могли быть опасны царю. Опираясь на них, царь задумал сломить бояр, чтобы усилить свою власть. Бояре скоро увидели в лице царя Ивана Васильевича грозного и беспощадного врага.

К тому же царь Иван с детства отличался особенной жестокостью. Еще маленьким ребенком он любил мучить животных и причинять страдания. С годами жестокость царя Ивана не уменьшалась, а росла.

У царя Ивана были и личные счеты с боярами. Иван сделался царем с 3-х лет, оставшись без отца и матери. Приближенные бояре правили государством, не считаясь с мальчиком. Воспоминания детства прочно остались в уме у царя. Личная злоба еще более усиливала жестокость Ивана. На Москве пошли казни и пытки.

3 декабря 1564 года на печатный двор прибежал подручный мальчик. Он махал от волнения руками и торопливо звал всех на улицу. На улице, действительно, происходило что-то странное. По Никольской двигались конные люди, одетые в тяжелые панцыри на теплой подкладке. Они важно сидели в высоких седлах с короткими стременами. В руках у них были луки, а за спиной торчали колчаны, туго набитые стрелами. Казалось, всадники приготовились к бою.

Вслед за отрядом конных людей ехали открытые сани. В санях сидел сам царь Иван Васильевич в меховой высокой шапке. Он мрачно посматривал на собравшийся народ, молчаливо стоявший по сторонам улицы, занесенной сугробами снега. Вслед за царскими санями ехали опять конные люди.

За ними потянулись закрытые возки с маленькими окошечками из слюды. В окошечки выглядывали женские и детские головы. В самом богатом закрытом возке ехала царица под охраной конных стрельцов. А потом опять двигались открытые санки, возки и простые розвальни, нагруженные царской казной и имуществом. Везли ящики с платьем, боченки с золотом, кресты и иконы, оружие. И все под охраной конных людей, точно царь боялся нападения и грабежа.

Царский поезд проехал по Никольской и скрылся за воротами Китай-города. Испуганные и недоумевающие москвичи стали расходиться.

— Ох, не к доброму делу, царь покидает Москву, — слышался в толпе робкий говор.

— Быть великому разорению,—качали головами старики, помнившие детство царя Ивана.

По Москве тайно распространялись тревожные вести. Царь уехал сперва в любимое село Коломенское, в 10 километрах от Москвы. Из Коломенского царский поезд поехал на север в Александровскую слободу, где был загородный дворец.

3 января 1565 года в Москву приехал царский гонец. Царь наложил свой гнев и опалу на бояр и на духовенство. Для борьбы с боярами Иван Васильевич завел особый двор — «опричнину». В опричники стали вступать мелкие помещики и служилые люди, ненавидевшие боярство.

Вскоре на улицах Москвы появились первые отряды опричников. Они были одеты в красивые и яркие одежды, а к их седлам были привешены метлы и собачьи головы. Это были знаки опричнины. Опричники давали царю клятву, как верные псы, грызть царских врагов, и, как метлою, выметать измену из государства.

Опричники ходили по городу и своевольничали. Бояре и богатые помещики попрятались по домам и с ужасом ждали своей участи. Раньше они не считали своих слуг и холопов за людей. Теперь бояре боялись каждого своего холопа. То и дело на Москве говорили о доносах холопов на своих господ.

На Красной площади пылали костры, кипели котлы с водой, лежали орудия пыток и казней. Царь Иван Васильевич стал страшным для своих врагов. С тех пор его прозвали «Грозным».

Царь и опричники расправлялись с боярами. Но никто не мог быть спокоен за свою участь. Опричники знали, что они могут делать все, что захотят. Они хватали ни в чем не повинных людей, пытали, казнили, захватывали их владения и имущество. В деревнях же и городах попрежнему изнывали в нищете крестьяне и ремесленники.

В такое время трудно было надеяться на царскую по-

Московская конница в XVI веке.

мощь печатному делу. После выхода Апостола работа на печатном дворе замерла. Только через год Иван Федоров и Петр Мстиславец опять принялись за печатанье.

На этот раз они решили издать книгу «Часовник». Денег на новые литеры нехватило. Пришлось взять старые литеры — шрифт Апостола. Они стерлись и давали нечеткий и неряшливый отпечаток. Но и эта работа едва не была прервана. Пришли вести о набеге крымских татар. Сам хан Девлет-Гирей стоял под Рязанью. Москва готовилась к борьбе. В начале октября хан повернул с войском обратно в степь.

В конце того же октября 1565 года печатный двор закончил вторую книгу — «Часовник». У «Часовника» был тот же шрифт, что и у «Апостола». Но печать была некрасивой и неряшливой, а украшения бледны и неинтересны.

«Часовник» был украшен только маленькими заставками и в нем не было красивых заставок «Апостола».

В выходном листе было сказано, что книга «Часовник» начата была печатаньем 2 сентября, а окончена 29 октября 1565 года. В конце печатники упоминали о себе: «Окончена эта книга подвигами и тщанием, трудами и снисканием дьякона Николы чудотворца Гостунского Ивана Федорова да Петра Тимофеева Мстиславца».

Печатание становилось на Москве делом уже более привычным. «Апостол» печатался год и стоил очень дорого. «Часовник» же печатался всего 2 месяца и стоил гораздо дешевле.

Казалось, можно было ждать новых царских заказов. Но работа на печатном дворе замерла опять. Печатники вновь остались без дела.

ПОСОЛЬСТВО ИЗ ЛИТВЫ

ЕТОМ 1566 года Москва встречала послов из соседней Литвы. На улицах Китай-города и в Кремле стояла нарядная толпа. Лавки и мастерские были закрыты. Казалось, Москва справляла большой праздник. Но настроение у толпы было невеселое. Молча стояли взрослые и малые, дожидаясь приезда посла. Многие предпочли бы остаться дома. Царские пристава бегали по всему городу и приказывали запирать лавки и мастерские. Царь хотел удивить литовских послов множеством и богатством московского населения.

Хитрость была напрасной. Литовские послы знали московские порядки. Главный посол Юрий Александрович Ходкевич насмешливо крутил свои длинные усы. Он знал цену московской толпе и ее богатству.

На паперти собора Николы Гостунского стояли печатники. В этот день они надели свои лучшие одежды. На них были длинные кафтаны, украшенные рядом пуговиц. У Петра Мстиславца пуговицы были сделаны даже из серебра. Печатники с любопытством ожидали послов.

Шествие было открыто служилыми людьми, наряженными в пестрые кафтаны. За ними шли стрельцы. Гулкие трубы и тяжелый прохот барабанов возвещали о прибытии послов. Головы у всех вытянулись кверху. Всем хотелось посмотреть на литовского посла.

— Он,—сказал Мстиславец.

— Кто, он? — недоуменно спросил Иван Федоров.

— Да пан Юрий Александрович Ходкевич. Немного найдется людей во всей Литве богаче Ходкевичей.

Мстиславец знал Ходкевичей на их родине. Один из Ходкевичей, старый Григорий Александрович, хотел даже завести свою печатню.

Послы проехали мимо соборов и направились к дворцовому крыльцу. Здесь служилые люди и стрельцы остановились у самой дворцовой лестницы. Печатникам было видно, как послы, не слезая с лошадей, старались пробраться поближе к лестнице. Но стрельцы стояли неподвижно, загораживая дорогу.

Печатники знали, что таков уж был обычай. Хочешь, не хочешь, слезай с лошади и иди до лестницы пешком. Чем дальше от лестницы посол слезет с лошади, тем больше он окажет царю почета. Так думали московские бояре.

Ходкевич знал об этом и не хотел слезать поодаль от лестницы. Он некоторое время сидел еще на лошади, но, наконец, слез и пошел пешком. На ступеньках лестницы его ждали бояре.

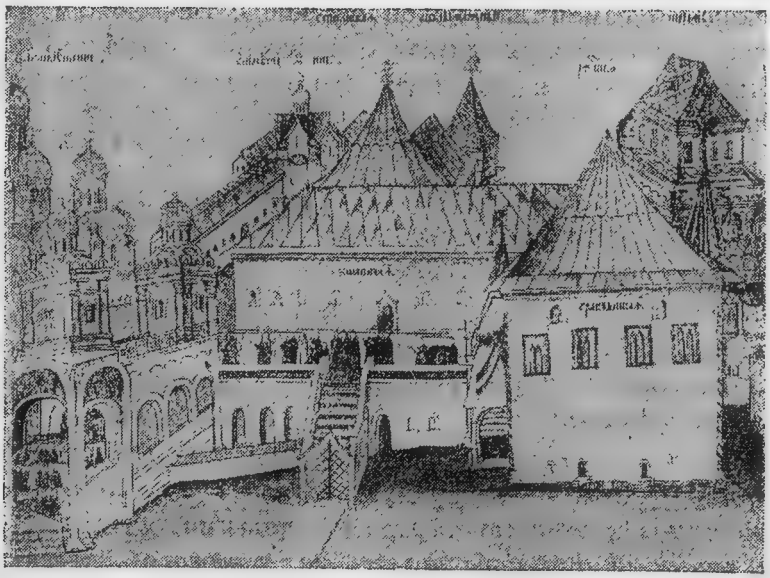
На них были бархатные шапки, высотою в поларшина, унизанные снизу до верху драгоценными камнями. Бояре были одеты в длинные кафтаны с долгими, до самых пяток, рукавами. Кафтаны шились из дорогого атласа или бархата с золотым шитьем. Под кафтанами видны были

нижние одежды, «ферязи». Особенно богато были украшены высокие стоячие воротники, «ожерелья», сверкавшие самоцветными камнями и жемчугом.

Бояре походили не столько на людей, сколько на истуканов. Чваные и надутые, они ждали литовского посла, медленно поднимавшегося по ступенькам.

На середине лестницы бояре приветствовали послов. С паперти Николы Гостунского видно было, как бояре и послы обменивались поклонами. Потом послы в сопровождении бояр поднялись выше и скрылись во дворце.

Стрельцы и толпа терпеливо остались ждать. Кто смотрел на дворец, точно думал, что оттуда появится что-то неожиданное. А кто, сев на землю, отдыхал, стараясь скрыться от знойного летнего солнца. Появились разносчики со сластями и мальчишки с тяжелыми каменными кувшинами. В кувшинах был холодный квас, настоенный на ягодах можжевельника и приправленный сладким медом.



Дворец и дворцовое крыльцо в Кремле XVI века.

Каждый забавлялся, как мог, ожидая выхода посла. У соборной стены люди окружили двух слепцов. Слепцы пели знакомую песню об Илье Муромце и Соловье разбойнике:

«Говорит Илья Муромец таково слово:
Как поехал я из Мурома да под Себеж город
И как буду на те леса на Брянские,
Как на том ли на мосту да на калиновом
Засвистел на меня Соловей своим посвистом».

Наиболее нетерпеливые и усталые стали по-немногу расходиться. Иван Федоров и Мстиславец тоже покинули соборную паперть. Говорить не хотелось. Они медленно пошли к кремлевским воротам.

Печатники и не заметили, как с той же соборной паперти сошли два человека. По шляпам и одежде в них можно было признать двух городских попов.

— Смотри,— сказал один из них,— пошли! — И показал вслед Ивану Федорову и Мстиславцу.

— По трехам господь терпит,— ответил другой.

— Терпит, терпит, да всякому терпению приходит конец. Нынче их власть кончается. Государю не до них, не только что попы, но и епископы против их неправд ропщут.

— Да как и не роптать,— промолвил второй.— Как не роптать,— повторил он со злобой.— От святого Владимира, как русская земля крестилась, книги от руки писались, а не бесовскими умышлениями делались. И то диво, что до сей поры земля наша такую неправду терпела.

ГИБЕЛЬ ПЕЧАТНОГО ДВОРА

РАЗГОВОР городских попов не был случайным. Печатанье книг не понравилось на Москве очень многим. Больше всего негодовали книжные переписчики. Печатание книг лишало переписчиков работы. Пока еще печатных книг было мало, а дальше? И многие переписчики видели в своем воображении, как с печатного двора выходили не сотни, а тысячи печатных книг.

Особенно недовольно было духовенство. Епископы и настоятели монастырей считали себя людьми образованными. На самом же деле нередко все их образование было в умении читать и писать, да и то с грехом пополам.

В Московском государстве придерживались не столько смысла, сколько старого предания. Написано такое слово в церковной книге, значит, так правильно. Изменил это слово, поставил новое—ввел новшество. Из-за одного слова начинались целые споры. Всякое новшество в книгах духовенство привыкло считать ересью.

Новая затея многим из духовенства не нравилась. Тайком поговаривали, что печатанье — затея греховная. За границей, верно, печатают книги. Но люди там издавна живут в ереси и не знают праведной веры. А раньше книги на Руси не печатали, а писали от руки. И впредь церковные книги надо не печатать, а писать.

У Ивана Федорова были враги среди духовенства.

Найти ересь в печатных книгах было делом не трудным. Иван Федоров печатал с рукописей, а они полны были ошибок. Никто толком не знал, в какой рукописи было написано правильно. Но каждый считал себя правым, а другого обвинял в ошибках и ересях.

К тому же Иван Федоров при печатаньи книг действовал неосторожно. Он заменял в печатных книгах старые слова новыми, более понятными, и больше думал о смысле, чем

о предании. Это была уже целая ересь, заслуживающая по-мнению многих монахов и попов большого осуждения.

Сначала о ереси печатников до времени говорили тихо, боялись царского гнева. Теперь сам царь охладел к печатному делу. Наступили новые времена.

Иван Федоров и Мстиславец наделялись все еще продолжать свое дело. Они продавали напечатанные книги. Дни проходили в поисках бумаги и красок для печатания, свинца и олова для шрифта.

Как-то раз Иван Федоров ходил по торговым рядам. Многочисленная толпа, как обычно, гудела у открытых лавок и стоек с наваленными товарами. Печатник выбирал бумагу для новой книги.

Он перебирал ее и смотрел на свет. В бумаге были водяные знаки. По ним можно было узнать, где делалась бумага. Для печатных книг лучше всего подходила добротная французская бумага.

Внезапный шум привлек его внимание. Лавки быстро запирались и ряды пустели. Стаи птиц тревожно поднялись с крыш. На соседней звоннице гудел набатный колокол. Толпа народа стремительно неслась по узким уличкам рядов.

Где-то по близости, за домами, разгорался пожар. Черный столб дыма зловеще поднимался к небу.

Люди спешили по своим дворам. Деревянной Москве нельзя было шутить с пожаром. Старая пословица говорила: «Москва сгорела от грошевой свечки».

Иван Федоров еле пробрался сквозь густую толпу и вышел на Никольскую.

Горел печатный двор. Языки пламени пожирали деревянные избы. Уже загорелась кладовая, где хранились напечатанные книги и бумага. Ветер со свистом распахнул окошко и поднял листы белой бумаги на воздух. Они тотчас же сморщились и загорелись ярким пламенем.

Кругом печатной избы суетились люди. Видна была фигура Петра Мстиславца, бегал подмастерье Андронник Невежа. Незнакомые люди и сбежавшиеся стрельцы рубили

топорами соседние заборы и избы. Другие крючьями растаскивали кровли и бревна. Из рук в руки передавались ведра с водой. Это была капля в море. Сухое дерево трещало и вспыхивало ярким пламенем. Печатный двор уже нельзя было спасти.

Неподвижными глазами глядел Иван Федоров на разрушение любимого дела. Перед ним мелькали языки пламени. Он стоял как пораженный ударом. Погибало дело всей жизни, всех его дум и помыслов.

К концу дня пожар стал затихать, но головни тлели под пеплом. Жители соседних дворов терпеливо ждали, когда потухнут последние угольки. Не раз бывало, что плохо затушенный пожар начинался сызнова и вновь вспыхивал ярким пламенем.

— Как случился пожар, кто не доглядел? — думал Иван Федоров, глядя на еще тлевшие угли.

К нему подошел Петр Мстиславец.

— Думать и гадать нечего, — сказал Мстиславец.—Наш двор подожгли сегодня днем, а видели книжных переписчиков. У попов и владык был вчера сговор. Хотят на нас бить челом государю, а умышляют на нас многие злые ереси, будто мы с тобой к немецкой вере прилежим. Для нас одно спасенье — бегство.

— Бежать, да куда?

— В Литву,— отвечал Петр Мстиславец.— Здесь нам с тобой уже не житье.

Мстиславец имел подозрение против книжных переписчиков, ненавидевших новое дело. Но это было только подозрение.

Виновники пожара не были открыты.

Пожар оборвал последние узы, связывавшие печатников с Москвою. Надеяться на царя было нечего. Оставался один путь, в далекую Литву.

Через несколько дней, к вечеру, из московских ворот выехали две повозки. В одной сидел Иван Федоров с семьей, в другой — Петр Мстиславец. Сторожа спокойно пропустили их через городские ворота. В повозках лежал бедный

скарб печатников. Не забыто было и главное их богатство — образцы стальных букв и напечатанные книги, сохранившиеся после пожара.

Иван Федоров сидел грустный и озабоченный. Он перебирал в уме свою жизнь в Москве.

— За что — думал Иван Федоров.— За что поднялись против меня люди?

Тяжелый возок чуть не опрокинулся на повороте. Раздался визг детей. Старший сын Ивана Федорова, баловной Ивашка, выглянул из повозки. Москва осталась позади и впереди вился бесконечный проселок. От города к городу, от села к селу, шла дорога в далекую и незнакомую Литву.

В ЛИТВЕ

ЕГЛЕЦЫ перешли литовскую границу, «рубеж», в глухом месте. Еле проезжая дорожка вела под гору. Внизу в отлогом овражке протекал ручеек. Он служил в этом месте границей. Позади осталось Московское государство, впереди начиналась Литва или Литовское великое княжество.

По обеим сторонам границы лежали глухие леса и болота. Люди избегали селиться вдоль границы. Там каждый час можно было ждать внезапного набега.

Чем дальше от границы, тем становилось многолюднее. Навстречу стали попадаться деревни и богатые имения. Деревни мало чем отличались от московских. Избы, крытые соломой, и полуразваленные амбары стояли в беспорядке. Видно было, что крестьяне или хлопы, как их здесь называли, жили бедно.

Но господские дворы выглядели богаче, чем в Московском государстве. Иван Федоров невольно поражался разницей между московскими и литовскими дворянами. Московские дворяне и бояре жили замкнуто. Женщины сиде-

ли в заперти, в высоких теремах. Литовские дворяне или шляхтичи жили шумно и открыто.

Казалось, шляхтичи справляли непрерывный праздник. Из окон панских домов нередко доносилась музыка. Играли на итальянских лютнях и пели песни. Из одного имения в другое в открытых повозках ехали шляхтичи с женами и детьми.

На дорогах встречались конные шляхтичи со своими слугами. И господа и слуги были вооружены саблями и пиками. Многие шляхтичи имели уже огнестрельное оружие— пистолеты и «аркебузы» — необыкновенно тяжелые ружья.

На постоялых дворах шли разговоры о событиях в Москве, в Турции и при дворе польского короля. Часто слышались непонятные латинские слова.

В Москве латинский язык знали немногие монахи, да подъячие Посольского приказа. В Литве латинский язык получил большое распространение. Католики на нем отправляли церковную службу. Многие шляхтичи писали письма на латинском языке. Латынь была в Литве языком знатных людей.

Рядом с панами, крестьяне казались убогими и забитыми. Трудно было представить себе более бедных людей. Целый день крестьяне гнули свои спины на полях. В лесах сверкали топоры дровосеков. По дорогам тащились тяжелые возы, нагруженные мешками с зерном. На панских кухнях стучали ножи поваров, а по двору суетливо бегали панские слуги.

Панские забавы требовали много денег. На разодетых шляхтичей работал голодный и обездоленный хлоп. Вечный праздник шляхтичей оплачивался тяжелой работой литовских крестьян.

Многие литовские порядки казались непохожими на московские. В Москве единственным владыкой был царь. От его имени писали указы и грамоты. Каждый, кто писал московскому царю, униженно звал себя холопом. Бояре иногда устраивали тайные заговоры, но боялись открыто итти против царя. Они также униженно называли себя умень-

шенными именами — царскими холопами, Мишками, Пашками, Ивашками.

В Литве также был свой великий князь. Но власть его была невелика. Шляхта и знатные литовские вельможи нередко отказывали ему в повиновении.

Литва была в постоянном союзе с соседней Польшей. Литовский великий князь был в то же время и польским королем. Обычно он предпочитал жить в Польше, в городе Кракове, где климат был мягче и жизнь веселее. Только на некоторое время король приезжал в Литву и появлялся в ее столице Вильне.

Настоящими властителями страны были литовские вельможи. Их называли «магнатами» от латинского слова «магнус» — великий.

По Литве были разбросаны крепкие замки и красивые дворцы. Чванные и самодовольные магнаты строили красивые церкви и усадьбы.

Магнаты любили украшать себя титулами и званиями. Многие магнаты носили звания князей. Они были потомками когда-то самостоятельных мелких владетелей — феодалов. Те, кто не имел титула, старались получить какое-нибудь придворное звание.

В разговорах шляхтичей постоянно слышались имена, то какого-нибудь пана каштеляна, то пана гетмана, то воеводы, чашника, подстолия и так далее. Такими титулами гордились польские магнаты и знатные шляхтичи. Гетманами называли предводителей войск, каштелянами — начальников отдельных замков и городов, чашниками и подстолиями — людей, прислуживающих королю во время обеда.

Магнаты жили в укрепленных замках, наполненных слугами и наемными воинами. Необозримые пространства полей, лесов и болот, большие деревни, села и целые города принадлежали магнатам.

Как у настоящих королей, у магнатов было свое войско. Сотни, а иногда тысячи конных и пеших людей шли под знаменами какого-нибудь богатого литовского князя.

У каждого магната и шляхтича был свой родовой герб. Изображения на гербах должны были показывать достоинства и знатность их владельцев. У одних в гербе изображалась сабля, у других — шлем, у третьих — ворота замка. Под гербами были надписи на латинском языке, их называли девизами. В девизах сказывалась гордость шляхтичей и магнатов. «Чести своей никому не отдам» говорил какой-нибудь девиз. «Через препятствия к победе» — отвечал другой. Каждый искал девиз погорделивее и звучнее.

Среди литовских магнатов нередко упоминались имена Ходкевичей. В Литве Ходкевичам принадлежали громадные земли. В роде Ходкевичей особым богатством выделялся пан Григорий Александрович, носивший звание литовского гетмана или начальника литовских войск. Он был родственником литовского посла, ездившего в Москву — Юрия Ходкевича. О нем ходили слухи, как о любителе книг и книжного дела.

В Литве жили многие народности. Особенно много жило там белоруссов и украинцев. Ходкевич был родом белорусс.

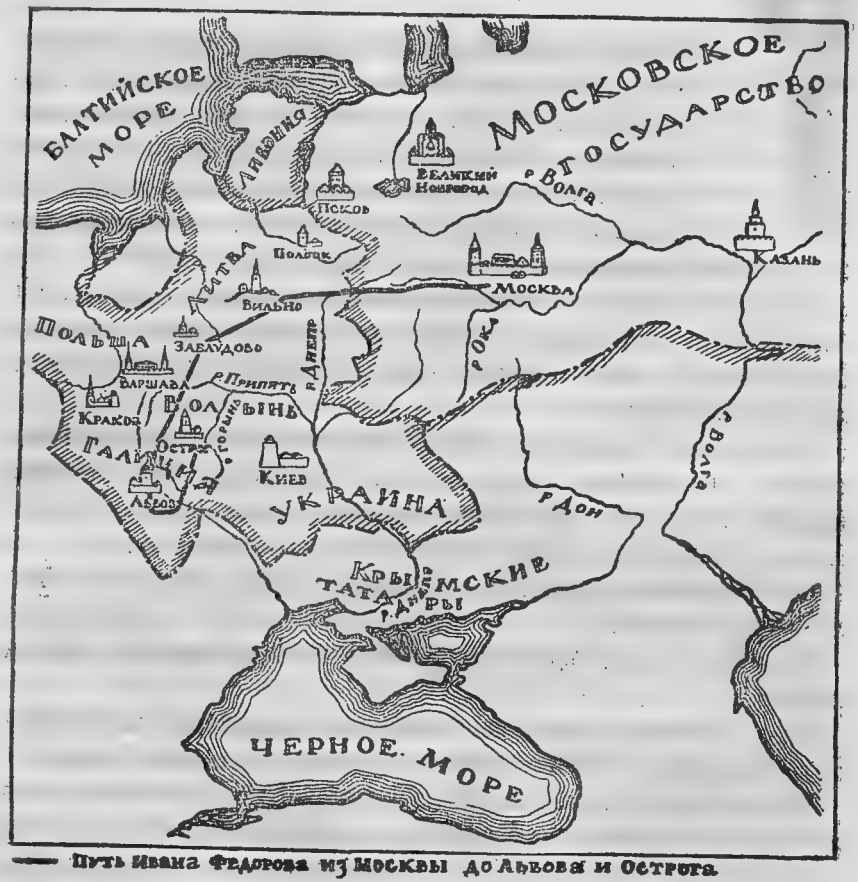
В Литве охотно принимали московских беглецов. Война между Московским государством и Литвой все еще продолжалась. Шли страшные слухи о жестокостях Ивана.

Вести о приезде московских печатников распространились по Литве. Теперь их звали уже по литовскому обычаю «с вичем», величая Иваном Федоровичем и Петром Тимофеевичем. В Москве так величали только очень знатных лиц. Остальных просто звали по имени и отчеству, например Иван Федоров, что означало Иван Федоров сын.

Сам король Жигимонт-Август принял беглых печатников. Король не думал об устройстве своей типографии. Он хотел только показать свое благоволение к московским беглецам.

Гетман Ходкевич был при дворе Жигимонта. Узнав про печатников, он задумал выполнить свое давнее желание — устроить собственную печатню. Ходкевич предложил Ивану

Федорову и Мстиславцу поступить к нему на службу. Печатники согласились.



— Путь Ивана Федорова из Москвы до Львова и Острога.

Карта Московского государства, Польши и Литвы в XVI веке.

ЗАБЛУДОВСКАЯ ДРУКАРНЯ

ЕТМАН Ходкевич жил в своем имении Заблудове, километрах в 12 от города Белостока. Темные леса и топкие болота со всех сторон подходили к Заблудову. В стороне от панского двора стояла церковь и несколько домов. У церкви была базарная площадь. Сюда приезжали по праздничным дням люди из окрестных деревень.

На первых порах Ходкевич показался очень щедрым. Он отвел Ивану Федорову и Петру Мстиславцу дом и подарил им землю. А самое главное,—дал им денег для устройства новой типографии.

Московские печатники стали налаживать новый печатный станок, принялись приготовлять пунцоны и отливать шрифт. И на этот раз Иван Федоров снова выбрал знакомый и любимый шрифт московского «Апостола».

В свободное время Иван Федоров любил бывать в библиотеке гетмана.

В заблудовской библиотеке было немало книг на разных языках.

Ему особенно нравилась маленькая книжечка, напечатанная «доктором» Франциском Скориной в городе Вильне.

На выходном листе ее было написано: «докончена эта псалтирь с божьей помощью, повелением и работою великою доктора Франциска Скорины из славного города Полоцка».

Франциск был ученым человеком. В молодости он ездил в Италию. В те годы Италия по праву считалась страной науки и искусства. Со всех концов Европы сходились молодые люди послушать лекции итальянских профессоров.

Франциск Скорина учился в Падуанском университете и здесь получил ученое звание доктора. В Италии было очень много типографий, а на родине Скорины едва-едва слыхали о печатании книг.

В 1517 году Скорина выпустил первое свое издание — «Библию», переведенную на белорусский язык. Она была напечатана в 22 отдельных книгах, в чешском городе — Праге.

Потом он вернулся в Литву и поселился в Вильне.

В 1525 году Скорина напечатал первую книгу в Вильне.

Книги Скорины разошлись по Литве и Польше. Но виленская типография вскоре закрылась. Богатые литовские и польские магнаты мало думали о книгах на белорусском языке. Многие из них знали латинский язык. На нем печатались книги во многих городах Западной Европы.

Сколько труда надо было затратить Скорине на печатание книг. И все-таки Скорина писал о себе скромно.

Иван Федоров вспоминал о послесловиях к московским книгам. Сколько в них было лести царю Ивану Васильевичу и митрополиту. Без этой лести московские книги не вышли бы с печатного двора.

— Не так ли будет и у нас в Заблудове? — нередко думал Иван Федоров.

Ходкевич на первых порах во всем готов был помогать печатникам. Предварительные работы по устройству типографии были окончены. В Заблудове была гетова «друкарня». Таким словом, взятым с немецкого языка, в Литве и Польше называли типографии.

8 июля 1568 года печатники стали набирать первую свою книгу в Литве. Работа над ней шла очень медленно. Только через 9 месяцев после начала набора первая заблудовская книга вышла из друкарни.

Книга была большая и толстая. Но внешность у нее была сравнительно бедная, ее украшала только одна заставка. Ходкевич пожалел денег, и книгу нельзя было назвать красивой. Зато он не поскупился на похвалы собственному имени.

На первом же листе книги Ходкевич поместил свой герб. Каждый должен был знать о благодеянии Ходкевича. Но этого было мало. В самом начале книги на особом листе были напечатаны все чины и титулы пана Григория: «Эта

книга напечатана в родовом имении пана Виленского, гетмана наивысшего великого княжества Литовского, старосты Городенского и Могилевского, его милости пана Григория Александровича Ходкевича, в месте, называемом Заблудово, личными издержками его милости».

Его милость, пан гетман, был доволен новой книгой. Он обнадеживал Ивана Федорова своими щедротами. Сидя в резных креслах, Ходкевич несколько раз повторял одни и те же слова:

— Я буду и об иных книгах думать. Не пожалею своих денег. Велю печатать книги в самом скором времени.

Иван Федоров вышел от гетмана радостный и полный надежд.

Никто не мог помешать ему в печатании книг. В типографии шла оживленная работа. Печатники готовились к изданию второй заблудовской книги.

Зима 1569 года подходила к концу и солнце начинало пригревать по весеннему. Шел март, близилось лето.

Как-то раз в типографию вбежал Гринь, товарищ Ивашки, старшего сына Ивана Федорова. Дети вечно торчали в типографии, помогая в мелких работах.

— К пану гетману приехали гонцы из Вильны, — сказал Гринь.

По Заблудову распространилась весть, что гонец приехал от родственника пана Григория. Новости он привез невеселые. Магнаты и шляхта вели нескончаемые ссоры. Родственник уведомлял старого Ходкевича о жалобах, поданных на него королю.

Старый гетман был раздражен. Он сумрачно ходил в своих покоях и грозил показать шляхтичам мощь литовских магнатов.

Гнев Ходкевича не был продолжительным. Гетман уже состарился и ослабел. Ему хотелось покоя. Даже печатанье книг стало казаться Ходкевичу дорогой и хлопотливой заботой.

Печатники с грустью заметили, как изменилось настроение гетмана. Иван Федоров терпеливо продолжал свою ра-

боту, но Петр Мстиславец поступил по другому. Он решил покинуть Заблудово, желая открыть свою собственную друкарню.

В 1570 году Федоров и Мстиславец простились навсегда. Мстиславец разделил со своим другом имущество и уехал в Вильну.

Уже без Мстиславца кончал Иван Федоров работу над второй заблудовской книгой — псалтирью. Она была окончена в марте 1570 года, ровно через год после напечатания первой. В послесловии опять пришлось хвалебно говорить о Ходкевиче и даже об его сыновьях.

Но на этот раз гетман был недоволен. Ходкевич теперь желал только одного — покоя. Однажды панский гайдук пришел за Иваном Федоровым. Поднявшись в гетманские хоромы, печатник нашел Ходкевича в его кабинете.

Гетман был неизлечимо болен. Он окончательно состарился и голова его от слабости клонилась к земле.

Разговор был коротким и тяжелым.

— Не пора ли тебе, Иван Федорович, перестать печатать книги! Живи у меня в деревне, занимайся хозяйством, как другие люди. — Такова была воля гетмана.

Тщетно Иван Федоров возражал гетману. Ходкевич оставался непреклонным. Почему печатник не хочет быть маленьким помещиком, живут же другие люди.

Окружающие тоже не понимали Ивана Федорова. Разве плохо быть хозяином на своей земле, разве обязательно надо печатать книги? Семья и маленькие дети приковывали Ивана Федорова. Легко ли было бросить насиженное место и опять отправляться в скитания. И куда? Кто примет печатника, кто даст ему денег на новую типографию.

Нередко Иван Федоров просыпался по ночам и горько плакал.

— Как!—думал он.—Гетман хочет положить ни во что дело всей моей жизни. По его воле я должен отказаться от печатания книг, от художества моих рук.

Эта мысль была ему невыносима. Он вставал со своей постели и начинал ходить по комнате.

Не для этого я бежал из Москвы, — думал печатник. Лучше уж было бросить печатанье и оставаться на родине, чем жить простым земледельцем в Заблудове.

Так постепенно в уме Ивана Федорова складывалось намерение покинуть Заблудово. Наконец, решение было принято. Иван Федоров объявил старому гетману о своем отъезде из Заблудова.

— Поищу себе иного поля, для которого я мог бы работать, печатаньем книг, а не сохою, — велел передать Ходкевичу Иван Федоров.

После 5 лет спокойной жизни в Заблудове печатник замыслил долгое и трудное путешествие. Он решил отправиться в большой и богатый Львов, где надеялся завести новую типографию. Там нуждались в печатных книгах. Там было много зажиточных горожан и можно было рассчитывать на их помощь.

ЛЬВОВ

От Заблудова до Львова по прямой линии километров 400. Но по прямой линии только птицы летали. Путешественники же ехали обычно по кривым и извилистым проселкам. Таким образом до Львова надо было ехать не 400, а все 500 километров. Всю эту дорогу Иван Федоров, вместе с семьей, сделал на лошадях, а иногда и пешком.

Шел 1572 год, тяжелый и необычный. По всей Польше и Литве, из конца в конец, прошло моровое поветрие. Люди внезапно заболевали. Над маленькими городами и местечками стоял унылый погребальный звон. Иные деревни совсем опустели, некому было хоронить покойников.

С великими трудностями, через болота и леса, Иван Федоров добрался до города Люблина. Самая тяжелая половина дороги была позади. За Люблином местность стала холмистей и красивей. Эту часть Польши называли Галицией, а по украински Червонной Русью.

Львовский купец XVI века.

После ровных московских и литовских земель Галиция казалась почти гористой страной. Густые лиственные леса покрывали холмы. Речки и ручейки текли в глубоких оврагах. Солнце грело ярче и воздух казался прозрачнее, чем в литовских лесах. Казалось, сама земля в Галиции была плодородней, чем в Литве. Все чаще стали попадаться крепкие замки польских магнатов. На постоялых дворах нередко слышались имена князей Замойских и Острожских, повелевавших целыми княжествами.

Заметно менялся говор населения. В Галиции жили украинцы.

Наконец вдали показался долгожданный Львов. Город был окружен высокими стенами. Они служили защитой от нападения турок и татар, делавших набеги на Галицию.

Через городские ворота Иван Федоров въехал во Львов. По улицам города сновала пестрая и разноязычная толпа. Чаще всего слышалась знакомая польская и украинская речь. Иногда в толпе мелькали фигуры людей, одетых по

восточному и говоривших на непонятном для Ивана Федорова языке. В Львов собирались люди с доброй половины Европы и даже из Азии. Кроме поляков и украинцев здесь постоянно жили немцы, евреи, армяне и греки. Во Львов ехали купцы из Германии и Венгрии, из Литвы и Польши, из Турции и Крыма. Греки, евреи, армяне жили во Львове целыми кварталами. У них были свои выборные старосты и судьи.

Многочисленные ремесленники и купцы населяли Львов. Многие горожане жили в каменных домах. Купеческие дома во Львове нередко выглядели богаче хором какого-нибудь московского боярина.

Особенно многолюден и разнообразен был львовский рынок. Здесь продавались восточные ткани и северные меха, венгерские вина, разнообразное оружие, мед и воск. Да чего только не было на этом рынке. Львов был большой ярмаркой для южной Польши и соседних с нею стран.

Польские короли за деньги, полученные от города, дали ему многочисленные льготы и привилегии. Горожане или мещане, как их звали в Польше, выбирали городского голову, «бургомистра», и городских советников, «радцев».

Ратуша, где заседали бургомистр и радцы, была красивым каменным зданием с высокой башней. Вышки, колокольни и башеньки украшали город, казавшийся издали очень красивым. Львов славился своим богатством и пестротою населения во всей Польше.

Иван Федоров нашел себе жилище в городском квартале, носившем название Подзамья. В нем жили ремесленники и купцы.

Шрифт для печатания книг он привез с собой из Заблудова, захватив также кое-какие инструменты и типографские принадлежности. Но многое приходилось делать заново. Раньше во всем помогал Петр Мстиславец. Теперь надо было искать новых помощников.

В городском предместье жил горожанин Лаврин Пилипович, человек очень уважаемый среди львовских ремесленников.

Лаврин был маляром, но, кроме малярного дела, знал и другие ремесла: умел резать по дереву и по металлу.

В другом львовском предместье проживал давний друг Лаврина — Семен Корунко, занимавшийся выделкой сафьяна, — дорогой и мягкой кожи. Из сафья шили для богатых людей сапоги и другую обувь. Как и Лаврин, Корунко был знаком со многими ремеслами, хорошо знал резьбу по дереву и стали, приготовлял доски для рисунков. Эти люди выполняли для печатника Ивана Федорова разные работы.

Устройство типографии шло медленно. Денег у Ивана Федорова было мало и они быстро таяли. А тут, как нарочно, в дело вмешались городские власти. Городской совет запретил печатнику держать у себя столяров, которые согласились делать необходимые для типографии работы за небольшую плату.

Во Львове, как и в других польских городах, ремесленники были записаны в особые объединения — цехи. Каждое ремесло имело свой цех. В праздничные дни цехи шли со своими знаменами и знаками ремесла. Булочники несли на палке большой деревянный хлеб, сапожники — колодку, портные — громадные ножницы.

Каждый ремесленник старался записаться в цех и открыть свою мастерскую. Но туда не каждого принимали. В городе жили и ремесленники, не записанные в цех. Городские власти запрещали их брать на работу.

В типографии всегда было много столярной работы. Из дерева был сделан печатный станок, из дерева делались брусья для сверстанных страниц и многие другие типографские принадлежности.

Столяры, записанные в цех, требовали дорогую плату. Иван Федоров нанял столяров на стороне. Тогда вмешались городские власти и запретили им работать.

Последние деньги Ивана Федорова подходили к концу. Напрасно печатник ходил по богатым людям и просил у них взаймы денег, напрасно он унижался и плакал. Никто не хотел ему помочь. Наконец, Лаврин и Корунко посоветовали ему сходить к богатому горожанину Сидляру.

ЛЬВОВСКАЯ ДРУКАРНЯ

ЕМЕН или Сенько Сидляр жил в городском предместье. Он был богатым человеком и вел большие денежные дела. Сидляр был любителем книг. Слухи об Иване Федорове, московском печатнике, давно дошли до Львова. На книжной полке Сидляра нашли себе место московские и заблудовские издания, напечатанные Иваном Федоровым.

Сидляр приветливо принял московского печатника.

— И без тебя немало беглых московитов живет у нас в Литве и Польше,— сказал он Ивану Федорову.— Живет в Ковеле великий муж, князь Андрей Михайлович Курбский.

Сидляр с гордостью показал письмо, полученное им от князя Курбского. На нем было написано: «посланьице краткое к Семену Сидляру, мещанину львовскому, мужу честному».

Иван Федоров мысленно перенесся в далекую Москву. По узкой Кремлевской уличке едет царь и рядом с ним боярин, этот боярин — князь Курбский. Прошло несколько лет и Курбский сделался таким же беглецом, как Иван Федоров. Он бежал от угрожавшей ему казни и укрылся в Литве. Король дал Курбскому большое имение.

Курбский был по своему времени образованным человеком. Он любил переписываться со многими книжными людьми в Литве и Польше. Сидляр был в числе таких людей и поддерживал с Курбским переписку.

Сидляр был человек торговый. Разговор — разговором, а деньги — деньгами. После долгих просьб Сидляр дал в долг 700 злотых. Так назывались польские монеты. Деньги надо было вернуть в 1574 году. Сидляр обставил договор тяжелыми и невыгодными для Ивана Федорова условиями.

И все-таки печатник был рад. 700 злотых были громадными деньгами. Во Львове за злотый можно было купить свинью, за 2 злотых продавалась корова, а за 4 — бык. С такими деньгами, как 700 злотых, можно было начать дело.

Начало послесловия из первой львовской книги Ивана Федорова.

25 ноября 1573 года Иван Федоров приступил к набору новой книги. Это была первая печатная книга во Львове и на Украине.

Сидляр взял Ивана Федорова под свое покровительство и помогал печатнику хлопотать перед городскими властями. Городской совет наконец разрешил Ивану Федорову взять на постоянную работу столяра, но с одним условием: пусть столяр запишется в цех, а потом пойдет на работу. Кроме того цех позволил столяру работать только для типографии и типографские работы. Столяр не должен был делать скамеек, сундуков, дверей, шкафов, одним словом, предметов обихода.

Между тем работы над печатанием книги продолжались. Иван Федоров хотел издать «Апостол» не хуже, чем в Москве. Лаврин Полипович и Корунко резали доски для заставок.

15 ноября 1574 года, почти через год после начала работы, вышел львовский «Апостол». Он во всем походил на первопечатный, изданный в 1564 году в Москве. Пожалуй, только был еще красивее.

В московском издании в конце страниц не было концовок, а в львовском они появились. Да и оглавления отдельных частей книги были сделаны лучше и удобней. За 10 лет Иван Федоров успел кое-чему научиться. Через его руки прошло немало итальянских и немецких книг.

На первом листе книги был изображен герб Ходкевича, а рядом с ним скромный типографский знак или герб самого печатника. Такие типографские знаки или гербы были у многих издателей в западных странах. Иван Федоров поместил герб Ходкевичей, желая показать, что львовская друкарня продолжала дело заблудовской печатни.

По бокам своего знака Иван Федоров поставил буквы: Ио. Ф. М. Это значило: Иоанн Федорович Москвитин.

В этот раз никого не надо было восхвалять. Иван Федоров все сделал своими руками и за свой страх. Но он не хотел молчать о своих трудах и страданиях и рассказал о них в послесловии:

«Друкарня эта составилась в царствующем граде Москве в лето 1563. Но нередко в Москве случалось нам видеть против нас великое озлобление, не от самого царя, а от многих начальников и священноначальников, которые завидовали нам и возводили на нас многие ереси, желая доброе дело показать дурным и окончательно его погубить. Злоба их изгнала нас из своей земли и отечества и заставила переселиться в незнакомые страны.

Когда же мы пришли в Литву, то там нас принял благочестивый государь Жигимонт-Август, король польский, со всеми панами своего совета.

В это время умолил государя отпустить нас к себе пан Григорий Александрович Ходкевич, пан виленский, гетман наивысший великого княжества Литовского, и принял нас с любовью и давал нам покой немалое время. И давал нам средства для жизни. Но и это показалось ему недостаточно. Он дал немалую деревню на мое пропитание.

Когда же он пришел в глубокую старость и начал болеть, он велел нам перестать работать, а жить в деревне и заниматься земледелием, оставив художество наших рук.

Для меня казалось неудобным проводить свою жизнь в работе над плугом и сеянии семян. Потому что я знаю вместо плуга художество печатных дел, вместо же ржаных семян я должен рассевать духовные семена по вселенной.

Когда же я поселился в преименитом городе Львове, то начал устраивать это богоизбранное дело. И много раз обходил я богатых и благородных, прося у них помощи. Я кланялся им на коленях и с земными поклонами, ноги их омывал сердечными слезами. И так я делал не один и не два раза, а много раз. И просил священника в церкви уведомить всех о моем деле. Но ничего я не достиг своими жалостными словами. Никого не умолил я многослезным рыданием, не выпросил я никакой помощи. И плакал я горькими слезами, потому что не нашел милующих не только в русском народе, но и у греков. Только самые низшие среди духовенства и неславные в этом мире люди оказали мне помощь».

Неславные люди готовы были оказать помощь, но и сами ничего не имели. Богатые же и знатные думали только о своей выгоде.

Весной 1574 года Семен Сидляр потребовал уплаты долга. Денег у Ивана Федорова не оказалось. Книги стоили дорого. Надо было иметь время, чтобы их распродать. А Сидляр не хотел ждать.

Делать было нечего. Иван Федоров обещал выплатить долг, а пока до уплаты отдал Сидляру в заклад свою типографию. Все напечатанные книги, литеры, пунцоны, станки, все инструменты остались в закладе у Сидляра. На третьем году своей жизни во Львове Иван Федоров сделался нищим.

Тогда печатник решил еще раз пожертвовать своей свободой. Могущественный князь Острожский предлагал печатнику свою помощь. Он собирался открыть типографию в своем городе Остроге. Пока же предложил Ивану Федорову место управляющего, «справцы», в своем имении — Дермань.

СПРАВЦА КНЯЗЯ ОСТРОЖСКОГО

— Пан справца проехал, — сказал седой крестьянин и снял шапку. Осгальные хлопы тоже сняли шапки и повернулись в сторону дороги. За придорожными кустами видны были фигуры двух конных людей — взрослого и мальчика.

— Как умер старый гетман Григорий Александрович, не стало нам покоя от куницев, — продолжал седой крестьянин. Он сокрушенно покачал головой и принялся косить траву.

— А что сказал справца старосте и людям? — спросил один из хлопов.

— Обещал задовольнить. А как куницы на нас напали и в тое пору сено наше попалили да себе забрали. А теперь сами ходят да смеются,— добавил седой хлоп.

Крестьяне замолчали. Слышно было только позвякиванье кос.

Уже несколько месяцев Иван Федоров был справцей — управляющим Дерманским имением князя Острожского. В Дермани издавна находился монастырь, принадлежавший Острожским. К монастырю было приписано несколько сел и деревень. Сюда изредка приезжал сам князь Константин охотиться в дремучих дерманских лесах. От Острога до Дермани было всего 20 километров.

Поступив на службу к князю Острожскому, Иван Федоров получил власть над всеми крестьянами, жившими в имении князя, и стал носить длинное и громкое звание «служевника его милости вельможного князя Константина Острожского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынской, старосты Володимирского». Впрочем, из этого длинного титула самому Ивану Федорову принадлежало только слово «служебник», а остальное все относилось к его господину князю Острожскому.

Крестьяне полюбили нового справцу и звали его просто паном Иваном Друкарем, а сына его прозвали Друкаревичем.

Должность управляющего не нравилась Ивану Федорову. Приходилось требовать от хлопов работы и повиновения. Обнищалые хлопы несли на двор управляющего последнее добро.

На плодородной черноземной земле родился высокий и полный колос. Сочная трава на пастбищах могла выкормить чудесный скот. А хлоп ходил ободранный и нищий. Печально шел он за сохой, напевая унылую песню:

«Ой, в поле могила, широка долина,
Сизый орел пролетает...»

Велика была власть господ над бедными хлопами. Недаром у панской усадьбы стояли высокие виселицы. На эти виселицы вздергивали по панскому приказу провинившихся хлопов. Имущество и даже жизнь хлопов были в руках панов.

Думы Ивана Федорова были далеко от Дермани. Он ждал вестей из Острога. Но тут, как на зло, перессорились между собой куницы и спасовцы.

Около Дермани находилось село Кунино, старинное имение князей Острожских. Куницкие сенокосы и пашни подходили близко к полям и лугам села Спасова, принадлежавшего ранее Григорию Ходкевичу, прежнему покровителю Ивана Федорова.

При жизни Ходкевича спасовцы часто нападали на куницев. А после его смерти в 1572 году верх стали брать куницы. Вдова Ходкевича была плохой заступницей за своих крестьян.

Наконец куницы напали на спасовцев, спалили у них часть сена, а остатки его отвезли к себе домой. Спасовцы вместе со своим управляющим пожаловались Ивану Друкарю. Печатник обещал им вернуть убытки, а князь Острожский не хотел об этом и слушать.

Мысль о куницах и спасовцах всю дорогу не давала покоя Ивану Федорову.

Всадники продолжали путь по каменистой дороге. Вдали выглянула звонница Дерманского монастыря. Когда-то на

месте монастыря находился загородный дворец князей Острожских. Князья хотели иметь собственный монастырь, по обычаю многих литовских магнатов. Острожские пристроили к дворцу церковь и звонницу и поселили нескольких монахов. Так возник новый монастырь.

Он стоял на невысоком холме, окруженном рвом. Вода шла в ров из соседнего пруда. На вершине холма возвышалась каменная стена, высотою в 6-7 метров. В стене видны были бойницы. Из них выглядывали пушечные дула. Монастырь был окружен лесами, синевшими на склонах высоких Дерманских холмов.

Подъемный мост через ров был опущен и давал доступ в монастырь. Внутри ограды стояла звонница и церковь, окруженные несколькими деревянными домами. В одном из этих домов поселился Иван Федоров со своей семьей.

Жилось ему в Дермани очень неспокойно. Из Львова писали друзья и знакомые о разных книжных делах, ожидали его приезда.

Летом 1575 года печатник, наконец, нашел время приехать во Львов. Там его давно ждали. Семен Сидляр дожидался уплаты долга.

Кроме того у Ивана Федорова во Львове было много дел.

Книги стоили очень дорого и расходились медленно. Иван Федоров давал книги на продажу разным торговцам. Книжных лавок тогда еще не было, а торговали книгами случайные люди. Книги можно было найти в сафьяновой лавке, где торговали кожами, у оружейника между саблями и панцырями, а чаще всего у аптекаря, продававшего разные лекарства и снадобья.

Во Львове пришлось судиться с одним из торговых людей. Иван Шпак взял у Ивана Федорова книги, а денег за них не отдал. Печатник подал в суд и требовал со Шпака 23 злотых. Суд присудил деньги печатнику.

Иван Федоров занят был во Львове и другим делом: он думал об устройстве Острожской друкарни. Печатник сговаривался с резчиками по металлу и дереву, советовался с Лавриным Пилиповичем и Корункой.

Должность справцы требовала его присутствия в Дерманн. Спасовский управляющий воспользовался отъездом Ивана Федорова. Спасовцы сами напали на кунинцев. Началось побоище, драка и грабеж. Кунинцы не медлили и поехали в Острог жаловаться князю Константину.

Князь Острожский был задет за живое. Холопы Ходкевичей грабят и бьют его крестьян и всего в каких-нибудь 20 верстах от Острога! Недолго думая, пан Киевский воевода написал своему справце Ивану Друкарю приказ — сделать ответный набег на село Спасово.

Старая пословица недаром говорила: «паны дерутся, а у хлопов чубы трещат». Весною 1576 года пан Иван Друкарь с вооруженными слугами напал на спасовцев.

С тяжелым сердцем вспоминал после Иван Федоров об этом дне.

Старший из дерманских слуг, Ганус, налетел на самого спасовского пана управляющего. Пан сопротивлялся, но сила была на стороне Гануса. Он побил управляющего, а заодно и крестьян, пытавшихся заступиться за своего пана.

В это же время слуги князя Острожского напали на спасовских хлопов. Они отнимали у них сермяги, снимали шапки и пояса с кошельками, били их по лицу и голове. Другие понеслись в поле и отняли у спасовцев скот.

Плач и стон стояли в селе. Можно было подумать, что на Спасово напали крымские татары или турки, а не их соседи, такие же украинцы и подневольные хлопы, как они.

Иван Федоров был невольным участником этого побоища. Он прекрасно знал тяжелую жизнь хлопов. Своими руками приходилось грабить бедняков.

Спасовцы не успокоились. Они подали жалобу в суд. Но что мог сделать суд против всесильного князя Острожского.

Иван Федоров не стал дожидаться суда, хотя он его и не боялся под княжеской защитой. В 1577 году он переехал в Острог вместе со своей семьей. Здесь он получил от князя Острожского дом и стал устраивать новую друкарню.

ОСТРОГ

Город Острог был родовым владением Острожских. На высокой горе стоял княжеский замок. Вокруг замковой горы шли каменные стены с высокими башнями. Особенно красива была круглая башня на Красной горе. В башне были устроены ворота, около них стояли караульные.

В одном месте замковые стены упирались в высокую церковь, стоявшую на краю горы. Раньше она находилась вне замка. Когда же были построены новые стены, места на горе нехватило. Замковые стены уперлись прямо в церковь.

Странным казался этот храм, служивший одновременно и церковью, и башней. В церковной стене были сделаны отверстия для пушек и аркебузов. Над пушечными амбразурами висели каменные плиты с вырезанными славянскими и латинскими изречениями.

Вокруг замка были разбросаны городские дома. Подъемный мост соединял город с замком. Мост можно было поднять и опустить в любое время.

С башен открывался далекий вид на окрестности. Острог стоял при впадении небольшой речки Вилии в Горынь, приток Припяти. Кругом Острога тянулись поля и леса богатой и плодородной Волыни.

Волынь лежала на окраине Польши. Южнее начиналась Подолия, а за ней тянулись нескончаемые степи, упиравшиеся в Черное море, в турецкие и крымские земли.

Беспокойно жилось в Подолии и на Волыни в соседстве со степью. Степь только казалась тихой и безмятежной. В летнее время степь выглядела морем с волнующейся высокой травой. Это море было предательским и обманчивым.

Нередко в степи появлялись отряды крымских татар. Тогда зажигались сигнальные костры на курганах. Сторожевые отряды давали знать о приближении врагов. Люди бежали и прятались в крепкие стены замков. Острожский за-

Князь Острожский.

мок наполнялся толпами людей, повозками, стадами лошадей и коров. И пушечные жерла настороженно глядели с городских стен и башен, ожидая прихода страшных кочевников.

Сам владелец Острога, князь Константин Константинович Острожский, жил обычно в замке. Полное лицо князя отражало важность, самодовольство и ограниченность. Князь любил пышно одеваться. В зимнее время он носил одежду, отороченную дорогим куньим мехом. Жемчуг и золотое шитье украшали княжеское платье.

В замке толпилось каждый день множество слуг и приезжих шляхтичей. В иные дни в замке набиралось до 2.000 слуг и солдат. У князя Острожского было свое войско. Кроме того, в замок приезжали по разным делам соседние шляхтичи и всякого рода прихлебатели. За обеденным столом вместе с князем садилось иной раз по несколько сот человек.

Князь чрезвычайно любил пышность. Обилие слуг и прихлебателей показывало знатность и богатство хозяина.

Каждый польский и литовский магнат окружал себя целой свитой. На всякое мелкое дело полагался отдельный слуга. Один нес свечи, освещая дорогу своему господину, второй собирал на стол, третий стелил постель.

Настоящим делом князя Константина была война, охота, пиры и ссоры с соседями. Во главе войска князь Острожский отбивал нападения татар, но особой храбрости не выказывал. Зато с громадной свитой в несколько сот человек ездил он в польскую столицу Варшаву, к самому королю. Вся столица поражалась пышными одеждами слуг князя Острожского и необыкновенной гордостью самого князя.

Крупные польские магнаты заводили на свой счет школы и типографии. Сосед Острожского, князь Замойский, завел, например, школу в своем городе Замостье. Из несметных доходов легко было выбросить крупицу на школу или библиотеку. Зато имя магната широко прославлялось. О нем говорили, как о покровителе науки и искусства.

Князь Константин не хотел отставать от других польских и литовских магнатов. Он тоже завел свою академию или высшую школу. Странной показалась бы теперь эта академия. Преподавали в ней почти одни монахи. Самой важной наукой считалось богословие. Ученики занимались заучиванием отдельных мест из церковных книг и писанием сочинений. Из точных наук преподавалась лишь одна арифметика. Кроме того, в академии учили греческому, латинскому и славянскому языкам. Люди, желавшие польстить князю Острожскому, называли академию триязычной. Преподавание трех языков было в те годы большой редкостью.

При академии была школа для детей. В ней учили тем же самым наукам, как и в академии. Заучивание наизусть было основой преподавания в этой школе.

Школа и академия находились за пределами замка, в предместьи Острога, носившем название Подзамья. Здесь же поселился Иван Федоров со своей семьей.

Острожская друкарня поместилась рядом со школой и академией.

Князь Острожский хотел, чтобы первой книгой его друкарни была самая большая церковная книга — библия. Для подготовки к изданию этой книги в Острог были собраны монахи, преподававшие в триязычной академии.

Списки библии все были перепутаны. Один не походил на другой. В разных списках писалось по разному. Триязычные академики должны были исправить библию по многим спискам, раньше чем начать печатанье.

Для библии требовалось много шрифта. Кроме того, нужны были заставки и заглавные буквы.

Резьба по металлу плохо удавалась самому Ивану Федорову, не раз вспоминавшему о своем старом друге — Петре Мстиславце.

О Мстиславце приходили только редкие вести. Покинув Заблудово, он поселился в литовской столице Вильне. Здесь он завел свою типографию.

В 1575 году Мстиславец выпустил свою первую книгу. Видимо, на нее было потрачено не мало труда и стараний. Книга выглядела очень красивой и отличалась крупной и четкой печатью. В следующем 1576 году Мстиславец напечатал еще одну книгу.

Это была последняя весть о Мстиславце. Умер ли он или принужден был при жизни забросить свое дело, так никто и не узнал.

Новый помощник Ивана Федорова появился неожиданно. Однажды к воротам Острожской друкарни подъехала повозка. Из нее выскочил юноша, лет 17-18. Это был тот самый Гринь, который в Заблудове был еще мальчиком и помогал Ивану Федорову в типографских работах.

Заблудовский мальчик за 5 лет вырос и возмужал. Гринь приехал к Ивану Федорову просить работы, обещая быть у него в полном послушании.

Иван Федоров давно уже мечтал иметь помощника. Гринь был способным юношей и еще в Заблудове учился резьбе по металлу под присмотром Петра Мстиславца.

В Остроге не было хороших мастеров, их надо было искать во Львове.

Иван Федоров сам поехал во Львов вместе с Гринем. Здесь он зашел к старому другу, Лаврину Пилиповичу. Лаврин согласился взять Гриня в ученики на 2 года. Гринь должен был учиться разным ремеслам — малярному и столярному делу, а также умению вырезать литеры из дерева и стали. Платить за обучение Гриня взялся Иван Федоров. По окончании учения Гринь должен был вернуться в Острог и работать для острожской друкарни.

За время пребывания Ивана Федорова в Дерманском имении денежные дела его несколько поправились. Он заплатил в Львове долг Сидляру и выкупил свою заложенную типографию.

Дела звали Ивана Федорова обратно в Острог. Работы по устройству друкарни подвигались медленно. Богатейший князь оказался щедрым на обещания и скупым на деньги. Иван Федоров нередко оставался без денег и работы приостанавливались.

Но печатник остерегался часто обращаться к князю Константину. Он ценил свою свободу и плохо доверял княжеским милостям. Сам же князь делал вид, что не замечает нужды печатника. У князя надо было выпрашивать каждый злотый.

Наконец нужда достигла крайних пределов. Иван Федоров, вместе с сыном Иваном, опять поехал во Львов.

Надо было платить деньги за бумагу, за металл для литер, за краску, за работу по резьбе пунцонов и досок. Долги обременяли печатника со всех сторон. Напечатанные книги расходились медленно, в долг без заклада никто не давал.

Иван Федоров решил тогда вторично заложить свою львовскую друкарню. В Львове жил богатый человек Израиль Якубович. Он дал Ивану Федорову в долг 411 злотых, а в заклад взял имущество печатника.

Заложены были 140 напечатанных книг, готовые литеры и доски для рисунков. В закладе остались прочие типографские принадлежности. Иван Федоров вторично потерял иму-

щество, но, по крайней мере, он достал денег для дальнейшей работы Острожской друкарни.

Печатник вернулся в Острог заканчивать приготовления к изданию первой острожской книги. В друкарне лежала уже громадная книга,—список библии, готовый для печати.

Князь Острожский торопил с печатанием. Наконец, в 1580 году вышла первая книга острожской друкарни,—псалтырь и новый завет. В том же году была напечатана громадная библия. На этой книге Иван Федоров поместил знак своей типографии и подпись: «Иоанн Федорович, печатник из Москвы».

Книга по-праву принадлежала печатнику. Но здесь повторилась та же история, как в Москве и в Заблудове. Главную заслугу в деле издания книги приходилось приписывать князю Острожскому.

В книге было напечатано обращение к князю Константину:

«О, благочестивый князь, прими это издание наше от нас любезно, как первый плод от дому печатного своего Острожского» — говорилось в книге.

Князь Константин был польщен и стал ждать новые «плоды» своей острожской друкарни. Впрочем, удовольствие он изъявил, но денег от него Иван Федоров в достаточном размере так и не дождался.

Типографский знак Ивана Федорова.

ВЕСТИ ИЗ МОСКВЫ

Торжественный обед подходил к концу. Музыканты устали играть на трубах, бить в литавры и барабаны. Гости тоже утомились от большого количества выпитого вина и с'еденных блюд.

В большой зале стоял гул от разговоров, смеха и нестройных выкликов подгулявших шляхтичей. Сам хозяин, князь Константин Острожский, важно оглядывал столы и своих гостей.

Князь сидел на возвышении, как на маленьком троне. Он самодовольно гладил окладистую русую бороду и играл тяжелой золотой цепью, висевшей на шее. На нем было платье из тонкой материи, вышитой золотом.

За княжеским креслом стоял главный распорядитель во дворце Острожских, маршалок двора. Это был важный, разодетый человек. Он принимал у князя тарелки, накладывал кушанья и наливал вино. Маршалка двора можно было бы принять за старшего лакея, но в его действиях было слишком много важности и чванства. Казалось, маршалок исполнял какой-то тягостный и неприятный обряд.

— Я думаю, пан сенатор порядком утомился,— сказал один из шляхтичей своему соседу и показал глазами на маршалка двора, стоявшего за княжеским креслом.

— Эх, пане,— отвечал сосед.— Пан сенатор за свою хлопскую службу получает столько, сколько ни один король не заплатит за службу и кровь. Веришь или нет, а князь Острожский платит сенатору за службу 70.000 злотых в год.

— 70.000 злотых! Значит велика служба пана сенатора?

— Чего больше? Дважды в год, на обедах, стоит пан сенатор за стулом князя Константина и меняет ему тарелки.

Собеседники внимательно посмотрели на сенатора, исполнявшего лакейскую должность.

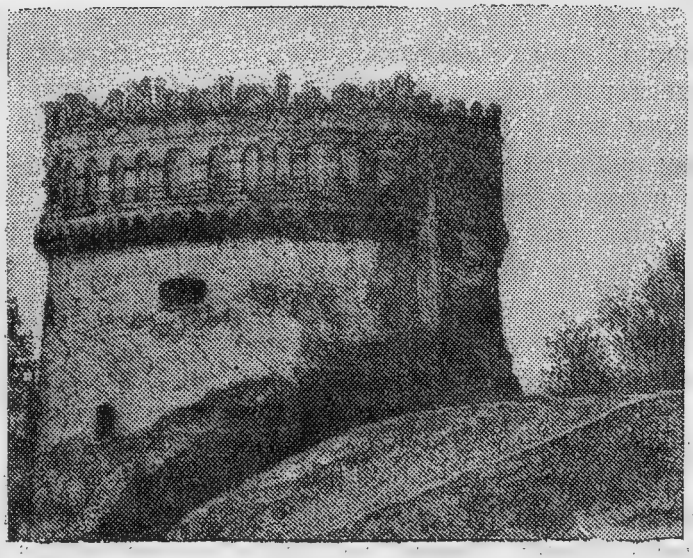
Звание сенатора высоко почиталось в Польше и Литве. Но 70.000 злотых на полу не валяются. Сенатор пошел на

лакейскую службу к князю Острожскому. А тот из самолюбия и гордости готов был платить громадные деньги.

Да, впрочем, о чем было жалеть князю Острожскому? Во всей Польше и Литве не было более богатого человека. Каждый год в княжескую казну собиралось 1.200.000 злотых. Князь Острожский владел 80 местечками и 2.760 селами. На него работали многочисленные хлопы в селах и деревнях. Ему платили оброки ремесленники и купцы в городах и местечках.

Обед, наконец, кончился. Маршалок двора подал знак и опять заиграла музыка. Князь Константин поднялся со своего кресла, а вслед за ним встали гости. После сытного и долгого обеда хотелось отдыха. Люди разошлись по замку. Князь вместе с почетными гостями перешел в большую залу.

Острожский посадил напротив себя самого почетного гостя — Минского воеводу Николая Сапегу. Воевода недавно вернулся из Москвы, куда он ездил послом от польского короля Стефана.



Башня Острожского замка.

По рассказам Сапеги, в Москве заметно было великое смятение и беспокойство.

Царь боялся опытности и искусства такого знаменитого полководца, каким был король Стефан. Царь Иван попрежнему жесток и горд. Он ставит себя выше всех на свете, хотя его подданные разорены, а московские войска терпят поражение за поражением.

Сапега был в царском дворце на приеме. Царь показался ему дряхлым и полуразвалившимся стариком. У царя вылезли все волосы и выпали зубы. На него страшно смотреть. Он выглядит живым мертвецом на троне. А ведь царю Ивану нет еще 50 лет.

— Москва большой и красивый город,— сказал один из слушателей.—Лет 15—20 тому назад он был вместе с литовским посольством в Москве.

— Я бы так не сказал,— заметил Николай Сапега.— Вы были, вероятно, до большого пожара, а теперь вся Москва лежит в пепелище.

— Значит, слухи о московском пожаре и крымском хане были справедливы,— спросил князь Острожский.

— Это было великое разорение для московитов. Я сам слышал об этом из уст московских людей,— ответил Сапега.

Сапега рассказал о том, что случилось в Москве девять лет тому назад. В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей тайком подошел к Москве. Царь испугался и бежал из столицы в город Ростов. А хан тем временем сжег деревянный город и все московские слободы. За шесть часов выгорел весь город и даже Кремль. В городских башнях хранился порох. Крыши на них загорелись и башни взлетели на воздух. Многие люди задохлись от дыма и погибли в огне. Москву постигла такая беда, какую трудно себе представить.

Сапега поглядел на своих слушателей, желая видеть впечатление от своего рассказа, и добавил:

— Я сам видел большой колокол, упавший с колокольни во время пожара. Ударившись о землю, он треснул посередине. Теперь Москву не узнать. После набега крымского хана от нее осталась едва-ли половина.

— Наше посольство, по обычаю, жило на особом дворе, — продолжал Сапега. — Дьяки с посольского двора пытались нас расспрашивать о беглых москвитянах. Спрашивали они о князе Курбском и о беглом друкаре Иване Федоровиче. Я ответил, что о друкаре мне ничего неизвестно. Теперь же узнаю, что друкарь живет у вашей княжеской милости.

Сапега вежливо поклонился Острожскому.

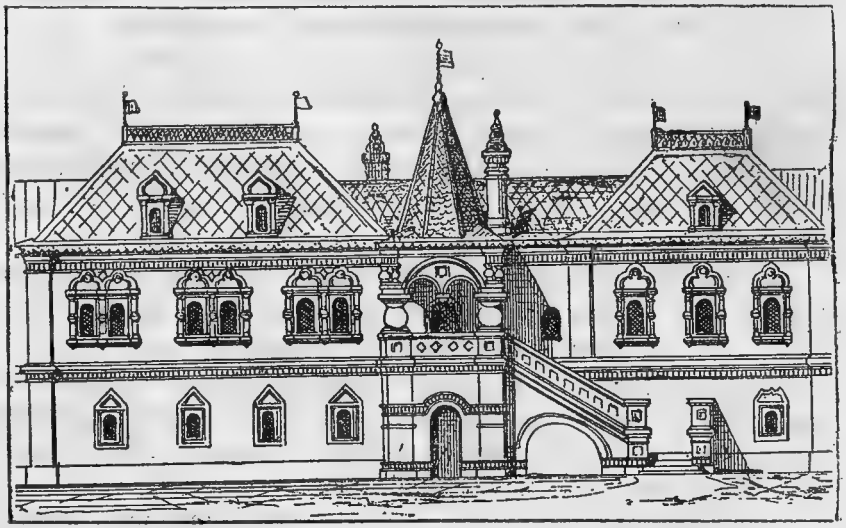
Князь Константин важно улыбнулся:

— Иван Федорович Москвитин ныне у меня на службе. Не пройдет и двух лет, как моя Острожская друкарня будет самой славной в Польше.

— А на Москве теперь друкарни нет? — спросил один из гостей.

— Московская друкарня была сожжена,—ответил Сапега. Царь тужил о своей друкарне и о бежавшем Иване Федоровиче. Но потом нашел иных друкарей. Я получил в подарок две книги с нового московского печатного двора.

Сапега сказал несколько слов маленькому пажу, стояв-



Палаты печатного двора на Никольской улице в Москве, построенные в XVII веке.

шему за его стулом. Через минуту паж вернулся в сопровождении слуги, державшего в руках две небольшие книги.

Гости с интересом посмотрели московские издания. Они нашли московские книги очень некрасивыми. Во всяком случае эти книги выглядели хуже львовского апостола и даже заблудовских изданий.

Интерес к московским книгам быстро охладел. Князь Острожский также не расположен был долго заниматься книгами. Он хотел узнать о придворных новостях и пожаловаться Сапеге на своих недругов.

— Отнести эти книги в друкарню, пану Ивану Друкарю, — приказал князь Константин слуге и опять повернулся к своим гостям.

Разговоры зашли о событиях в Турции и в крымской орде. Всего пять лет тому назад, в 1575 году, крымские татары доходили почти до Острога. Теперь опять можно было ждать страшных гостей.

Король Стефан воевал с Московским государем и успел взять обратно Полоцк. Вместе с ним был гетман Ян Замойский, владение которого, Замостье, было недалеко от Острога. Значит на помощь гетмана и короля надежды были плохи. Гости вежливо слушали Острожского.

Между тем, слуга, посланный князем к Ивану Федорову, шел уже по двору острожского замка. Двор был наполнен пестрой толпой. В торжественные дни Острог наполнялся множеством приезжих из соседних усадеб и местечек. Тогда улицы Острога напоминали своей суетней ярмарочную площадь.

Слуга застал Ивана Федорова дома. Печатник разбирал типографские литеры и сравнивал их между собой. Старший сын печатника обтягивал кожей доску переплета.

Молодой Иван Иванович выбрал себе другое ремесло, чем отец. Он сделался переплетчиком. Напечатанные книги продавались только переплетенными. Поэтому Иван Федоров всегда нуждался в переплетчике.

Слуга передал книги и удалился. Иван Федоров тотчас же принялся рассматривать принесенные книги. В первой

из них был такой же шрифт, как в первопечатном Апостоле. Только заглавные буквы выглядели необыкновенно большими и узорными, напоминая стволы деревьев, обвитые листьями. На последнем листе было сказано о времени выхода книги.

Она была напечатана в 1568 году «в пресловущем граде» Москве. «Окончена была книга в 32 лето государства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии при его благородных детях царевиче Иване и царевиче Феодоре, тщанием и трудами Никифора Тарасиева да Невежи Тимофеева».

Эти имена пробудили у Ивана Федорова далекие воспоминания: Тарасиев и Тимофеев были его ближайшими помощниками, подмастериями московского печатного двора. Вот кто заменил Ивана Федорова и Мстиславца в Москве.

Мысль о Тарасиеве и Тимофееве одновременно печалила и радовала Ивана Федорова. Печально было думать, что печатание книг возобновилось на Москве без его участия и что о нем давно уже забыли. Радостно было, что любимое дело, все-таки не погибло. На Москве был новый печатный двор и опять печатались книги. Продолжателями Ивана Федорова были его ученики,— значит, печатник не напрасно работал в Москве, не в пустую пошли его труды.

Вторая московская книга была напечатана совсем недавно, в январе 1577 года. И эта книга была напечатана Андроником Тимофеевым Невежею, но уже не в Москве, а в Новом граде Слободе.

Иван Федоров знал, что Слободой называли Александрову слободу, где был дворец Ивана Грозного. Значит московский печатный двор погиб в Большой пожар, когда под Москву приходил крымский хан.

За 8 лет Москва напечатала всего 2 книги. Немного для печатного двора такой большой страны, как Московия.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В начале 1579 года в Острог вернулся Гринь. Он получил звание мастера и назывался теперь уже Гринем Ивановичем. Иван Федоров радостно встретил нового помощника. Он решил заключить с Гринем договор.

Подписание договора было обставлено торжественно. В Острожскую друкарню сошлись свидетели. Среди них выделялся острожский писарь Василий. Писарями в Литве называли секретарей. Писарь Василий был важной особой в Остроге.

Гринь был взволнован. Встав со своего места, он сказал:

— Великое добродейство видел я от пана Ивана Федоровича. Я не в силах отплатить ему за все, что он мне сделал. Но я обещаю работать только для него и для его друкарни.

Гринь немножко помолчал и добавил:

— Без его воли я никому работать не буду. Да и своей друкарни закладывать не стану.

Молодой человек знал опасения Ивана Федорова. Печатник боялся, что Гринь перейдет к другому хозяину.

Писарь Василий начал писать договор. Под ним подписались Гринь и свидетели. Гринь обещал работать только для пана Ивана Федоровича и без его разрешения не устраивать собственной друкарни.

У Ивана Федорова теперь был хороший помощник. Гринь резал стальные доски для рисунков и стальные пунцоны.

Наступил 1581 год. В Острожской типографии спешно кончали второе издание библии. Наконец, 12 августа была закончена последняя страница. На ней можно было прочитать: «напечатано мною, многогрешным Иоанном, Федоровым сыном из Москвы, в богохранимом городе Остроге в лето 1581, месяца августа 12 дня».

Первая страница из Острожского издания 1581 года.

Книга вышла толстой и большой. В ней было 628 листов или 1256 страниц. Бумага была плотная и от этого книга была еще тяжелее. На первом листе было напечатано заглавие и год издания книги. Это было новшество. В московских и заблудовских изданиях особых листов для заглавия не было. Иван Федоров подражал польским и немецким книгам с их заглавными листами.

Шрифт для библии был выбран совсем другой, более убористый и мелкий, чем для львовского апостола. Такими мелкими буквами обычно писали большие книги, сберегая бумагу. Заглавные буквы были вырезаны также иные, чем в Апостоле. Доски для рисунков резал Гринь Иванович, выбрав себе образцы из немецких и итальянских книг.

Дело опять не обошлось без похвалы князю Острожскому. На обороте первого же листа был изображен герб князей Острожских. На нем были нарисованы всадники, корона и многое другое, чем любили наполнять свои гербы польские магнаты. Вверху и внизу были напечатаны все звания князя: «Константин Константинович, нареченный в святом крещении Василий, князь Острожский, воевода Киевский, маршалок земли Волынской, староста Владимирский и прочая».

Князь не пропустил случая похвастаться своими титулами и званиями.

Нашелся сочинитель, сложивший вирши или стихи в честь князя Константина. Вирши напечатаны были в два столбца вокруг княжеского герба. Сочинитель восхвалял храбрость Острожского:

«Крепко побеждал различных супостат полки,
И разгонял скоро оные скверные волки
И еще может,
Аще бог поможет...

В том же 1581 году той же Острожской типографией была выпущена еще одна маленькая книжка. Называлась она «Хронологией». Это были стихи на каждый месяц. В ней было всего 2 страницы. В конце ее было напечатано:

«друковано 5 мая року (то есть года) 1581 в Остроге. Писание Андрея Рымшы».

Это была первая нецерковная книга, напечатанная на Украине и в Белоруссии, хотя в Италии, Германии, Франции и других странах западной Европы давно уже печатались светские книги. В Москве светские книги появились еще позже, только в XVII веке.

Хронология была маленькой, а Библия громадной, но будущее принадлежало не церковным, а светским книгам. Рано или поздно библии и псалтири должны были уступить им свое место.

Князь Острожский гордился новой библией.

Но для дальнейшей работы нужны были деньги, а князь был на них скуповат. Из громадных княжеских богатств только ничтожные крохи перепадали Ивану Федорову на его дело. Князь тратил громадные деньги на прихлебателей и жалел денег на друкарню.

Иван Федоров стал тяготиться зависимостью от князя. Он опять мечтал о собственной типографии во Львове. У него теперь был целый капитал — несколько сотен отпечатанных и готовых к продаже библий.

В 1582 году печатник покинул Острог, где прожил 5 лет, и опять поселился во Львове.

Князь Острожский счел себя обиженным. Он решил преследовать Ивана Федорова. Княжеский слуга поехал во Львов и подал в суд жалобу на печатника. Князь требовал в свою пользу библии, отпечатанные в Остроге. Суд постановил наложить арест на вещи Ивана Федорова. Богатый князь отнимал у своего бывшего печатника последнее имущество.

Вскоре печатника ожидал новый удар. Молодой Гринь бросил Ивана Федорова и тайком бежал из Львова. Ходили слухи, что он уехал в Вильну, где виленские горожане Мамоничи заводили свою типографию. После веселой жизни при княжеском дворе Гринь заскучал в Львове.

Бегство Гриня крайне огорчило Ивана Федорова.

— Гринь бежал от меня без всякой причины,—жаловался печатник старому другу Лаврину Пилиповичу.

Лаврин знал причины бегства Гриня. Молодому человеку жилось не сладко в доме Ивана Федорова. Вечные недостатки измучили Гриня и он искал себе лучшего места, И все-таки Лаврин не одобрял Гриня.

— Добивайся своих прав. Требуй Гриня обратно по суду,— говорил Лаврин Пилипович.

Иван Федоров имел договор с Гринем. Он пожаловался в львовский суд и получил на беглеца судебный лист. Теперь можно было требовать Гриня обратно во Львов.

Но это мало утешало печатника. Жить становилось с каждым месяцем все труднее и труднее.

Старость незаметно подкралась к Ивану Федорову. Пошли болезни и недомогания. Оставались только бодрость духа и желание работать. Но попрежнему нехватало денег и приходилось браться за любую работу.

В январе 1583 года львовские горожане с удивлением останавливались перед домом печатника. Здесь стояла небольшая пушка.

Польский король Стефан вел разорительные войны и вечно нуждался в пушках и снарядах. В Львове жил пушкарь Данило. Он предложил Ивану Федорову взять у короля заказ на литье пушек. Это дело было для печатника новым и мало знакомым. Иван Федоров до этого времени умел отливать из металла только небольшие предметы, главным образом, литеры.

Пушкарь Данило и Иван Федоров слили небольшую пушку и получили за нее деньги. Но доход оказался очень незначительным. Пушкарь считал себя обиженным при расчетах. К старым долгам Ивана Федорова прибавился новый — долг пушкарю Даниле.

Настал февраль, холодный и мятельный. Недаром украинцы называли этот месяц — «лютим». Но февраль принес Ивану Федорову неожиданную радость.

Однажды в дом к печатнику явилось несколько человек. Из них выделился один юноша и подошел к печатнику. Это

был Гринь Иванович, вернувшийся из Вильны. За спиной Гриня стоял Лаврин Пилипович. Гринь смущенно смотрел на Ивана Федорова.

Старый печатник тоже растерялся и недоуменно глядел на молодого человека.

— Что с него взять? Гринь — человек молодой,— говорил Лаврин, заступаясь за своего ученика.

— Прости его,— поддерживали Лаврина и остальные пришедшие.

Иван Федоров задумался. Последнее время Гриню жилось у него плохо. Молодые люди всегда ищут лучшего.

— Хорошо, я тебя прощаю,— обратился Иван Федоров к Гриню.— Обещай только до самой моей смерти, ни на кого, кроме меня, не работать. А после моей смерти делай, как хочешь.

Иван Федоров разорвал судебный лист перед всеми. Печатник заметно развеселился.

— Будешь хорошо работать, так я тебя притеснять не стану. Позволю тебе завести свою друкарню,— добавил старый печатник.

Сели писать новый договор. Гринь обещал докончить работу над шрифтом, начатым для новой львовской друкарни. Обещал быть в полном послушании у Ивана Федорова.

С этого времени работы над устройством новой друкарни пошли быстрее. Гринь резал пунцоны для букв и доски для рисунков. Иван Федоров готовился к печатанию новых книг. Только нехватка денег задерживала работы. Со всех сторон от Ивана Федорова требовали старые долги. Старик Сидляр умер, а его сын Сачко оказался жадным и неуживчивым человеком. Сачко требовал вернуть ему старые отцовские деньги. Пришлось отдать в его руки 200 острожских библий.

Старая львовская типография лежала в закладе у Израиля Якубовича. Иван Федоров был разорен и хорошо знал о своем разорении. Силы его заметно падали. Он смертельно заболел, а Сачко не хотел ждать денег.

Настал декабрь 1583 года. К постели больного, почти

умирающего, пришел Сачко и требовал денег.

— Не отдашь денег,— пойдем в суд,— грозился Сачко.

И он исполнил свою угрозу. Львовский суд снова постановил опечатать все имущество Ивана Федорова. Это было последним оторчением для умирающего.

6 декабря 1583 года по Львову распространилась весть о смерти «Ивана Москвитина, печатника русских книг». Так привыкли во Львове называть Ивана Федорова. Жизнь и труды печатника хорошо были известны львовским горожанам.

На дворе Лаврина Пилиповича возились люди. Лаврин и Гринь делали последнюю работу для Ивана Федорова. Они готовили надпись на могильной плите.

По середине камня была вырезана рука, держащая маленькую стрелку и букву. По бокам стрелки находились буквы: И. и Ф. Они обозначали «Иоанн Федоров». Стрелки и буквы были типографским знаком или гербом умершего печатника. Внизу под гербом шла надпись.

«Друкарь книг перед тем невиданных».

Мастера вырезали кругом камня длинную надпись:

«Иоанн Федорович, друкарь Московитин, который своим тщанием печатание небывало обновил, преставился во Львове, года 1583, декабря 6».

Так и лежал этот камень сотни лет над могилой печатника у львовской церкви Онуфрия. По нему ходили люди,

Надгробная плита Ивана Федорова. По средине ее вырезан типографский знак печатника.

топтали его ногами. Наконец, камень был взят и разбит на куски.

Навеки затерялась могила друкаря книг «до тех пор невиданных».

ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДСТВО

Немного нашлось имущества после умершего печатника. Иван Друкаревич остался без денег, с одними долгами. Такова была обычная участь создателей какого-либо нового дела. Они жили и умирали в полной бедности и нищете. На руках Друкаревича были его младшие братья.

Молодой переплетчик решил собирать деньги с отцовских должников. Но таких было очень мало.

Гораздо больше было отцовских долгов. Со всех сторон приходили люди и требовали денег. Злее всех был жадный Сачко Сидляр. Сачко каждый день приходил за деньгами. Нельзя было даже понять, действительно ли должен был ему Иван Федоров.

Однажды Друкаревич заспорил с Сидляром. Сачко обозлился, бросился на молодого человека и поранил ему руки и голову. Друкаревич жаловался в суд, но напрасно.

Сачко на этом не успокоился и подал в суд, требуя уплаты долга.

На все имущество Ивана Федорова был наложен арест. Львовский суд опечатал вещи умершего печатника и оценил их в 500 злотых.

У Друкаревича еще оставались кое-какие вещи. В последние годы своей жизни Иван Федоров не только печатал книги, но и торговал ими. У него были книги, изданные в виленских типографиях.

Друкаревич переплетал эти книги и вел торговлю ими. Теперь он решил покончить со всем своим имуществом. За 380 злотых он продал эти книги своему товарищу по ремеслу, переплетчику Мартину Голубовскому.

Между тем кредиторы Ивана Федорова не хотели успокаиваться. В 1585 году в суд пришел Израиль Якубович. Уже несколько лет лежала у него в закладе первая львовская типография Ивана Федорова. Якубович хотел ею завладеть на законном основании. Суд разрешил Якубовичу взять в полную собственность заложенную друкарню. Так в чужие руки попала львовская типография Ивана Федорова.

Прошло два года со времени смерти Ивана Федорова, а споры о его наследстве не прекращались.

О бывшем своем печатнике вспомнил и князь Константин Острожский. У него были денежные счеты с Иваном Федоровым.

В том же 1585 году во Львове появился служебник князя Острожского. Он просил львовский суд наложить арест на русские книжки покойного Ивана Москвитина.

Книги находились в подвале, принадлежавшем одному львовскому горожанину. Судебные представители спустились в подвал. Здесь нашли 120 напечатанных и 80 неоконченных книг. Кроме того, в подвале лежали разные типографские инструменты.

Суд оценил все это имущество в 142 злотых. Вот за какими деньгами погнался могущественный князь Острожский, хранивший в своих сундуках десятки тысяч золотых червонцев.

Между тем на типографию, заложенную у Сидляра, нашлись тоже охотники. Во Львове ходили слухи о приезжих москвичах, желавших купить эту типографию. Но слухи эти не оправдались. Типография Ивана Федорова досталась в другие руки.

Инструменты и книги покойного Ивана Федорова пролежали у Сидляра до 1588 года. Только через 5 лет после смерти печатника нашелся настоящий покупатель.

Во Львов приехал богатый виленский горожанин, Кузьма Мамонич. Тот самый Мамонич, который принял к себе на службу Гриня, бежавшего от Ивана Федорова. Он купил у Сидляра все инструменты и более 300 готовых и неоконченных книг. Мамонич отправил свою покупку на подводах в Вильну.

Кузьма и Лука Мамоничи были богатыми людьми. Они завели в Вильне свою типографию, где издавали много книг. Там были допечатаны некоторые книги, неоконченные Иваном Федоровым. В том же 1588 году Мамоничи напечатали в Вильне большую книгу светского, а не церковного, содержания — «Статут» или Законы великого княжества Литовского.

Израиль Якубович тоже нашел покупателей на заложенную у него типографию. Ее купили богатые львовские горожане. Таким образом первый Львовской друкарне суждено было остаться в самом Львове.

С 1588 года кончаются упоминания о наследстве Ивана Федорова. Ничего больше не слышно о детях Ивана Федорова и о его старшем сыне Иване Друкаревиче. Не исчезла только память о самом первопечатнике.

ПЕРВОПЕЧАТНИК

В Москве у старой стены Китай-города есть небольшой памятник. На пьедестале стоит человек из бронзы. На нем странная одежда, похожая на кафтан, а в руках он держит лист бумаги. Этот бронзовый человек—московский первопечатник Иван Федоров.

Прошло 350 лет со дня его смерти. Давно сгнили его останки у стен древней львовской церкви. Потерян навсегда даже камень на его могиле, а память об Иване Федорове живет до сих пор.

Он был первым, напечатавшим в Москве книги, в те годы, когда о печатании книг на Москве многие даже не слыхали. А без печатания книг не могла бы развиваться наука и культура.

6 декабря 1933 года исполнилось ровно 350 лет со дня смерти первопечатника Ивана Федорова. Этот день был отмечен Академией наук СССР и другими научными учреждениями нашего Союза. Газеты поместили заметки об Иване Федорове и Петре Мстиславце. В музеях были устроены выставки в память первопечатников.

Первая книга выходила с великим трудом и препятствием, «подвигами и тщанием, трудами и снисканием» двух неизвестных мастеров. Но важно было напечатать первую книгу и положить начало книгопечатанию.

Печатание книг казалось неслыханным делом, удивительной новостью. Легко вести начатое дело, трудно и тяжело прокладывать новую дорогу.

Иван Федоров вместе с Мстиславцем положил начало книгопечатанию в Москве. Он был «друкарем книг перед тем невиданных», как написали на его могильном камне львовские горожане, хоронившие московского первопечатника.

Летопись жизни первопечатника Ивана Федорова

1553 год. Начало книгопечатания на Москве, положенное Иваном Федоровым сыном и Петром Тимофеевым Мстиславцем.

1563 год. 1 апреля начали печатать первую книгу на печатном дворе.

1564 год. 1 марта. Вышел первопечатный Апостол.

1566-67 годы. Бегство первопечатников в Литву.

1568 год. 8 июля. Начали печатать в Заблудове, имении гетмана Ходкевича, первую книгу.

1569 год. 1 марта. Напечатана первая книга в Заблудове.

1569 год. Петр Мстиславец покинул Заблудово.

1570 год. 23 марта. Напечатана вторая книга в Заблудове.

1572 год. Умер гетман Ходкевич. Иван Федоров покинул Заблудово.

1572 год. Приезд Ивана Федорова во Львов вместе с типографскими принадлежностями, взятыми в Заблудове.

1573 год. Семен Сидляр дал Ивану Федорову в долг 700 злотых на устройство типографии.

1574 год. 15 февраля. Вышел Львовский Апостол.

1574 год. Иван Федоров отдал в заклад Семену Сидляру свою друкарню, не имея возможности выплатить 700 злотых.

1575 год. Иван Федоров сделался служебником князя Острожского и управителем Дерманского имения.

1575 год. Петр Мстиславец напечатал первую книгу в Вильне.

1576 год. Петр Мстиславец напечатал вторую книгу в Вильне. Последнее известие о Мстиславце.

1577 год. Иван Федоров переехал в Острог. Начало Острожской типографии.

1580 год. Напечатана Иваном Федоровым первая книга Острожской типографии.

1581 год. Напечатана «Хронология» Андрея Рымши.

1582 год. Иван Федоров покинул Острог и вернулся во Львов.

1583 год. 6 декабря. Смерть Ивана Федорова.

Государств. ... ческая историческая

СОДЕРЖАНИЕ

Переписчик книг 3
Москва 7
Петр Мстиславец 12
Первая московская типография 18
Во дворце 22
Печатный двор 27
Тревожные дни 32
Посольство из Литвы 36
Гибель печатного двора 40
В Литве 43
Заблудовская друкарня 48
Львов 52
Львовская друкарня 56
Справка князя Острожского 60
Острог 64
Вести из Москвы 70
Последние годы 76
Тяжелое наследство 83
Первопечатник 86
Летопись жизни первопечатника Ивана Федорова 87

РУССКИЙ
БИБЛИОГР. ФИЧЕСКИЙ ИН-Т
АРХИАТ
Москва, Тверской бул. 25.

Цена 1 р. 20 к.

Кооперативное Издательство „П О С Р Е Д Н И К“
Москва, Арбат, 36, телефон Г 1-21-97.